Краевое государственное автономное учреждение культуры
культурно-социальный комплекс
"Дворец Труда и Согласия им. А.Н. Кузнецова"

ДВОРЕЦ ТРУДА И СОГЛАСИЯ

НА БЕРЕГАХ ЕНИСЕЯ

Литературный сборник авторов-инвалидов

г. Красноярск, 2020 г.

«На берегах Енисея» литературный сборник авторов-инвалидов. Красноярск: КГАУК КСК «Дворец Труда и Согласия им. А.Н. Кузнецова», 2020.

Литературный сборник авторов-инвалидов Лауреатов краевого литературного конкурса «На берегах Енисея», который проводился в рамках краевого фестиваля художественного творчества инвалидов «Мой край — земля моя», посвященного 85-летию образования Красноярского края в 2019 году.

Составитель и ответственная за выпуск
Вичулене Екатерина Викторовна -
заведующий отделом по работе с инвалидами
КГАУК КСК «ДТиС им. А.Н. Кузнецова»
e-mail: vichulene@kdk.krsn.ru
8(391)229-93-67

Содержание

1. Баракин Леонид ……. 5

2. Синякова Людмила …… 10

3. Яркина Надежда …… 13

4. Шалунов Геннадий …… 17

5. Масюрова Надежда …… 19

6. Хайновский Юрий ……. 28

7. Артюхов Виктор …… 29

8. Моргунов Юрий ……. 32

9. Шкандрий Степан …….. 41

10. Ехомова Ольга …….. 48

11. Кора Екатерина …… 54

12. Шестакова Нина …….. 57

13. Лаукс Сергей …… 61

14. Левченко София …… 63

15. Зезюля Зоя ……. 63

16. Литвинова Любовь …….. 65

17. Никитина Галина …… 68

18. Гранкина Луиза …… 73

19. Десятова Лидия …… 76

20. Пятова Тамара …….. 84

21. Пятов Михаил …….. 90

22. Грехова Светлана ……. 97

23. Третьяков Тимофей …….. 102

24. Шамкова Линда ……. 107

Баракин Леонид Николаевич инвалид 3 группы. Активный участник литературно-творческого объединения «Родник» при РДК села Тюхтет. Родился 20 июня 1951 года в деревне Пузаново Тюхтетского района. Первое стихотворение написал в 64 года. Оно называлось «Михайлов день». Его стихи вошли в сборник «Родник» и печатаются в местной газете.

Красноярскому краю

Чудес хватает в Красном Яре
Здесь голубых глазниц озер,
В которых звездные стожары
Пылают ночью, как костер.
Куда не глянь — кругом раздолье,
Налево — тут дремучий лес,
Из золотых колосьев поле…
Других немало здесь чудес.
Здесь скалы смотрят прямо в небо,
Бежит могучий Енисей,
Выращиваем столько хлеба,
Что хватит для России всей.
А люди- самородки края
Астафьев, Суриков, Поздеев
Они трудились, воспевая
Природу, а не прохиндеев.
Так славься край своим богатством
И будь других душою шире
Здесь не бывает тунеядства,
А сами люди -золотые.

Енисей

От истоков Енисея
Через годы и века,
Сквозь Саянские отроги
Русло бьет Сибирь Река.
Через центр Красноярска
В океан пяти морей
Гонит воды в море Карское

Могучий Енисей.
Долгий путь его проходит
У подножия Саян.
Волнами плывет по морю
В ледовитый океан.

Рождения хлеба

Сев закончился весенний
Июнь, лето настает.
За околицей, как флейта,
Нежно иволга поет.
По болотистым низинам
Крики чибиса, как плачь.
А в лугах и по куртинам
Скрипит коростель-дергачь.
Подошла средина лета,
Жмет июльская жара.
Зашумела, загремела
Сенокосная пора.
Август месяц, еще лето
Стоят теплые деньки.
Густо синим цветут цветом
Вдоль дороги васильки.
Засверкали хлебозоры,
Зерну верная судьба,
Идет таинство природы-
Наливаются хлеба.
Поле будто словно дышит
У дороги полевой,
Ветерок волной колышет
Тугой колос наливной.
Вот и осень на пороге,
Шлет богатый урожай.
Как приятен, вкусен, дорог
Хлеба теплый каравай.

Михайлов день

Белый иней висит на деревьях.
Утро раннее — зимний простор
Первый солнечный луч озаряет

Наш Тюхтетский серебряный бор.
Золотит купола на церквушке,
Медный гул загустел в хоровод,
Спешат в церковь седые старушки,
Пожилой богомольный народ.

Солнце ярко горит в небосклоне,
Блестки инея лес серебрят,
С шумным гомоном, криком веселым
Мчат из школы ватага ребят.

На широких сибирских просторах
Краше родины милой мне нет.
Не стареет с годами и помнит
Наше детство родной наш Тюхтет.

Русь

Много бед натерпелась, устала,
Я об этом судить не берусь.
Под монголом три века страдала
Наша Древняя Матушка-Русь.
Но стряхнула оковы и встала,
Как могучая русская рать,
И французов, и немцев сдержала,
Нам Российский рубеж воевать.
И всегда на Руси это было:
В лихолетье, иные года
Дух сплочения, мужество, веру
Не сломить никому, никогда.
Быть России Великой Державой
Крепче нужно её охранять,
Ведь на этом стоит и стояла
Наша славная Родина — Мать.

Весна

Поплыла по всей округе
Вдаль ночная тишина,
Словно близкая подруга
Приобняла ночь весна.

Чуть брезжит рассвет туманный,
Отряхнулась ночь от снов,
Чутко слышно бормотанье
На току тетеревов.
Заневестилась березка
Белоствольна и скромна,
Заплетает зелень в косы
Ей красавица — весна.
Рядом с ней её подружка
На девичий белый стан
Весной с радостью надела
Свой зеленый сарафан.
Не рассеялись с рассветом
Мои грезы светлее стало
На душе светлее стало
От весенней красоты.

День Победы

Только-только помаленьку
Жизнь наладила страна,
Но неймется оккупантам -
С немцем грянула война.
И тогда же в сорок первом
В тот тяжелый год судьбы
Поднялась вся Россия,
Словно лошадь на дыбы.
Вся военная машина
По России катит, прет
Но под самою Москвой
Надломили ей хребет.
Было множество сражений:
Орел с Курском, Сталинград…
С гулким скрежетом машина
Покатилась назад.
Гитлер после Курской битвы
Не смог выправить дела,
И пошла вперед Россия-
Закусила удила.
Но до полной до Победы
Было множество преград,
От Мамаева кургана

Шел к Берлину наш солдат.
В тот Великий День Победы
Ликовала вся страна.
Люди радовались счастью -
Что окончилась война.

Зима

Мельтешат снежинки в поле
Вьются, как пчелиный рой.
Так почти всегда бывает
Ранней зимнею порой.
Ведь она уже решила,
Что пришла её пора
К нам на тройке прикатила
Эх-ма, зимушка-зима.
Разметала зима косы
На деревья, на кусты,
Разложили на покосы
Свои белые холсты.
Свою первую поземку закружила карусель,
Разыгралась не на шутку —
В настоящую метель.
В декабре, как бы случайно
Игнорируя прогноз
Крепко посохом ударил
Первый батюшка мороз.
Глянул я на бор сосновый
Ох, какая краса!
Налепил мороз узоры
Просто чудо чудеса.

Руки матери

Утром солнце заглянет в окно
Мать, склонившись над детскою зыбкой,
Вот к нам солнышко в гости пришло,
Говорит она с доброй улыбкой.

Детство, юность, как в сказке прошло.
Было всякое, можно сказать,
Но всегда от беды, как наседка крылом,

Прикрывала нас милая мать.

Мать руками беду отведет
Проходите невзгоды скорей!
Завтра солнышко снова придет
Утро будет всегда мудреней.

Прошли годы в заботе о детях
Жизнь — она ведь дается одна.
Вот уже у меня самого
Серебрит на висках седина.

Я смотрю с изумлением вокруг
Летит время быстрей и быстрей
Нет нежнее и ласковей рук,
Как у мамы любимой моей.

Синякова Людмила Парфильевна-
г. Канск

Муран- Кан
(после прочтения книги Николая Николаева «Кан-Муран»)

Свидетелями сосны были,
Шумел печально тихий бор.
И в облаке дорожной пыли
Увидел чужаков дозор.

Там шла орда чернее тучи,
И злобою блестел металл.
На берегу, под самой кручей
Отряд Чечека уже ждал.

Уж поднялась там рать святая,
Погнали супостата в лес.
Пришельцев на пути сметая,
Шли с копьями наперевес.

Жестокой, страшной была сеча,
Курыш геройской смертью пал.
День битва шла и вот под вечер,

Опять страстей взлетел накал.

Там горы мертвых тел лежали,
Кружились в дикой пляске смерть.
Бесстрашно воины сражались,
Чтоб Субэдэя одолеть.

Богровой стала луговина,
Как окровавленный закат,
Сражалась конная дружина,
Где был посадчик Таначак.

По берегу кровавой пеной
Карапсельский покрылся стан.
И словно в огненной геене
Воскликнул ворог: « Муран-Кан!»

Стратег и воин Ахтуран,
В честь его стоит поселок,
Блистая, катит волны Кан,
Прекрасен, полноводен, молод.

Обласкан солнышком Анцирь,
Что в переводе означает.
И он могучую Сибирь
Своей историей венчает.

Правитель коттов — славный Чечка,
Поселок ныне — Чечеул.
Уж творческое там местечко
И для работы, и для дум.

А в честь красавицы Ирбизы,
И в честь их с Чечеком любви -
Поселок в стороне сибирской,
Скреплен был клятвой на крови.

Живи, сибирская землица!
Сверкай живой водою, Кан!
Ты — сердце нашего частица,
Наш чистый, светлый Кан-Муран.

Край мой Красноярский

Край мой Красноярский -
Один в моей судьбе.
Какие нужны краски
Положить на холсте.
Зимой покрыт снегами
Куда ты взгляд не кинь,
И хлебными полями
Богатая Сибирь.
Леса, тайга и реки,
Могучий Енисей —
Наш батюшка великий
Течет в красе своей.
Несет былую славу
Где русский был казак
Сидел, объятый думой,
На берегу Ермак.
Всегда ты слыл кормильцем,
Талантами блистал.
Могу тобой гордиться
Родной, любимый край!

Наша Сибирь

Люблю тебя моя Сибирь!
Твои леса, поля и горы.
На ветке засвистел снегирь,
Деревья в кружевном узоре.

Приволье! Разворот души!
Красивее краев не вижу,
Зима и лето хороши,
Про осень здесь картины пишут.

Вдаль убегает Кан, маня
Блеснув приветливо волною.
Здесь родилась, здесь жизнь моя!
Сибирь, навеки я с тобою!

Яркина Надежда Ефимовна
пгт Курагино, председатель Курагинского местного отделения ВОИ, автор и исполнитель песен и стихов, публикуется впервые.

Русь моя

Избы прочные, хоть и стары.
Почернели все от загара.
На земле стоят древней, русской.
Из неё растут, пусть не густо.
Но зато навек, вглубь корнями.
Разгорожены все лесами.
Без избы мне Русь не представить,
Без корней нас жить не заставишь.
Это я, и в них каждый русский.
На земле живем древней, русской.

Край мой

Люблю тетя, мой край родной!
Любуюсь я твоей красой,
Твоим размахом гор и рек.
Ты мой звенящий песней век.
Травы мои, вы свободные
Между березами, елями,
Как хорошо, что увидеть,
Понять вас, услышать успела я.
Небо мое высокое, чистое и глубокое,
Зов твой во мне бьется птицею,
Сыта я тобой и водицею.
Родина, я твоя капелька,
Я лишь с тобою сливаюсь,
Я без тебя очень маленькая,
Я лишь тобой защищаюсь.

Небесные стихи

Про жизнь приснились мне стихи.
Они и пели, и смеялись.
Слова кружились, как в пургу,
И придавали яркость сну.
Ложились снежною лепниной

Во сне ловила, что пришли
От неба данные стихи.
Строкой чернильною они
На чистую бумагу пали,
Стремглав, неслись из-под руки
И душу через слова рвали.

Вещий сон

Я уже на земле была, другая, но с моею душой
Я коня под узду вела,
И красивый был воин со мной.
И стреляли в него, не в меня,
Желтым холодным светом.
И я ростом была метра два, в тунику лишь одета.
Он дополз до ручья, я с откоса за ним следом
Я уже на земле была и ясно видела это.

Открытие

Мы рисуем свое лицо
От рождения до окончания.
От штрихов зависит оно,
От штрихов глубокого знания.
Если же безлик до конца,
Ты обиду на жизнь не списывай.
Сам подумай: ну кто за тебя
Твой портрет станет дописывать.

Крещение

Луч с неба осветил каждую дорогу,
На земле недолго был и вернулся к Богу.
Я запомнила тот луч: он светил не ярко
Но все звезды озарил, от которых жарко.
Господи, пошли и мне свое благословение.
Пусть живет в моей душе Христово терпение.
В небе звездочка одна, рядом с ней другая.
Я иду к тому ручью, где вода святая.
Небо в звездах, тишина, а вокруг Крещение,
И в моих руках вода — от всего спасение.

Я скучаю

Как молитву повторяю: я скучаю по тебе,
Потому что наши души
Были рядышком в судьбе,
Потому что каждый знает:
Доброта сильнее зла.
Гордость — это не победа,
Гордость — это суета.
И никто, никто не знает,
Как мне плохо без тебя.

Цветок

Проснувшийся цветок не напоить росой.
Полить его водой надо ключевой.
Чтоб остудить его, замедлить бег цветения
И жизнь успех продлить ему
До опустошения.

Девочка на костылях

Шла девочка маленькая, костыли в руках.
Горькая улыбка застыла на губах.
Шаг за шагом, стон за стоном… Двигалась вперед.
Что её упрямую и куда ведет?
Я в окно смотрела боьше чем могла,
Как девчонка маленькая сто шагов прошла.
Содрогаясь телом, платок не поправит,
В злом упрямстве ноги шаг за шагом ставит.
Вы здоровы телом. Почему вы ноете?.
Разве этой девочки с костылями стоите!
Горько за бесплодство многих, за бездарность,
Что не понимают жизненного царства.

Мой мир

Душа звенит, что утром просыпаясь.
В окне рассвет и ты в обнимку с ним.
И вьется над трубой избы столетней
Прозрачный, белый, милый сердцу дым.
И жизнь не кажется пустой и скучной.

Охапка дров: и печке взрыв огня.
А рядом человек, который Королевой
Тебя зовет — и ты его судьба.
Мир для тебя и сказка, и интрига.
Так хочется тебе его познать,
Так хочется его приблизить к сердцу
И пусть не все, но тайны разгадать.
Сама магнит в своем очаровании,
В познании жизни, доброте души.
Пусть в жизни будут интересными загадки
И вещими приснившиеся сны.

Два друга, два врага

Язык и разум — два соседа,
Но как порой поладить не хотят.
Еще не завершил творение разум,
А уж слова ненужные летят.
Язык — обиды, наши раны,
А разум — все поступки и дела,
Но за слова казнят, хулят и ранят,
И за слова преследуют тебя.
А вглубь души и сердце не заглянут.
Зачем? Ведь на поверхности слова,
И кажется, они нас не обманут,
Язык ликует, в бездне — голова.

Чувства

Свет ударил по глазам:
Солнце.
Запах ноздри разорвал:
Лесом.
Синевою даль маня,
Взбудоражила меня:
Лето.
Крылья — птицы распущу
Небо.
Жизнь свою не обогну:
Поле.
Ямы, рытвины, кусты
Просто так не обойти: воля

Вопрос

Что мы сегодня разве не встретимся?
Разве на улице праздника нет?
И не посмотришь глазами небесными?
И как всегда не услышу совет?
Где ты, мой ангел, с улыбкой доброю?
Что ты молчишь? Я не слышу ответ.
Солнце на улице, снег подмороженный,
И всё дорога куда-то манит.
Что мы сегодня совсем не увидимся?
Тяжестью время на сердце лежит.

Дожди

Опять на улице дожди
Со всех сторон ко мне стучатся,
Как будто просят: « Нас пусти
К себе и нечего бояться.
Мы слезы неба, влага губ,
Пришел черед нам проливаться
И плакать из-за всех разлук,
Что на земле могли встречаться».
Поймать дождинку, приласкать
И осушить, она, как сила,
Завсе ветра,за все дожди,
За все, что в жизни нашей было.

Шалунов Геннадий Алексеевич,
г. Назарово, инвалид 2 группы

О Красноярском крае

С Красноярским краем — одногодки.
Здесь родился, рос и взрослым стал.
Шел по жизни с Краем в одной лодке,
Здесь мой дом, мой труд и мой причал.
Захолустьем Край наш называли,
Краем ссылки, каторги, тюрьмы
Ледяные, северные дали
Были не обжиты и немы.

Издавна народы знали
К нам в Сибирь дороги были не легки.
На глазах моих преображали
Край суровый наши земляки.
От Саянских гор до Ледовитого
Мчится вдаль могучий Енисей
Красноярский край стал знаменитый -
Отмечает славный юбилей!
Восемьдесят пять! Так много пережито
Разное встречалось на пути.
В памяти моей ничто не смыто,
Что пошли, то снова не пройти.
Я войну узнал не понаслышке,
Испытал все тяготы её:
Хоть и был тогда еще мальчишкой
В северное, трудное житье.
Страшная война несла нам беды,
Смерть, разруху, голод, нищету.
Дни и ночи Край ковал Победу,
Устояв на боевом посту.
А потом, расправив плечи,
Новые построил города -
Это не пустые бредни — речи,
Строил Край навечно, навсегда!
Вот и наша бывшая деревня
Прошагала трудным путем,
Позабыла быт печально-древний
В городе Назарово живем!
А Народ со статью богатырской
Смог невзгоды с Краем перенесть.
Процветай и дальше Край Сибирский.
В нашем Крае жить большая честь!
Напишу рассказы и мемуары,
Все о малой родине своей.
Так звучите медные фанфары-
В Красноярском крае юбилей!

Масюрова Надежда Владимировна,
пгт Курагино Курагинский район,
инвалид 1 группы

Услышала

Баба Варя прогуливалась по еще не оттаявшим дорожкам аллеи, вдыхала аромат весеннего воздуха, подставляя свое лицо, покрытое мелкими морщинками, весеннему, мартовскому солнцу. В руке у нее был кусочек белого хлеба, который она крошила подлетавшим к её ногам голубям. Они ворковали, склевывали крошки, радуясь наступившей весне и скорому теплу.

Для бабы Вари это было хоть каким-то утешением. Быть кому-то нужной — пусть даже этим божьим птахам, прилетавшим к ней за нехитрым угощением.

Она уже второй год жила в геронтологическом центре «Сосенки» - пристанище пожилых людей. Сюда её привез сын, бизнесмен. Не было у него времени присматривать за стареющей матерью, вот и решил вопрос: « Да не переживай, мать. Там за тобой уход будет. Обеды, завтраки, все по расписанию. Врачи наблюдать тебя будут. А я что? Ты же знаешь, у меня минуты свободной нет, кручусь, как белка… Сделки, партнеры. Все давят, наседают, продыху нет, а у тебя здоровье, сама видишь, шалит. В общем, через неделю собирайся. Обещаю, будем тебя навещать...».

Баба Варя все понимала. Только верить не хотела, что это ей говорит её сын, её Вадюша. Ею кровиночка, Вадимка… Обмерла она от этой новости, веки задрожали. Пытаясь сдержать слезы, она прерывисто задышала. «Мать, давай только без этого… Нечего сырость разводить. Двадцать первый век на дворе, сейчас такие технологии, такие врачи. Я же тебя не куда-нибудь, а в элитный центр для престарелых хочу отправить. Ты знаешь, сколько я денег заплатил, чтобы тебя там устроить?»- Вадим говорил по-деловому.

Перечить сыну она не стала. Собрала свои вещички, а через неделю увез он её на черном лексусе в геронтологический центр «Сосенки». Поначалу сильно по дому тосковала. Потом пообвыклась. Соседка по комнате попалась благожелательная, общительная старушка. Вдвоем веселее. И уход хороший был, грех жаловаться: телевизор, уют… Да, только не то все, не то… По дому скучала, по внуку, да и за Вадюшу сердце болело. Не такого она ждала на старости лет, не этого…

Геронтология, что за слово такое диковинное? Не понимала сначала баба Варя. Добрые люди подсказали, что это наука такая о старении. «Вот значит как, уже и наука старость изучает, да толку-то что. Еще никто от этого никуда не девался»,- рассуждала про себя Варвара Петровна. Была она заслуженным работником, ветераном труда. Некогда всеми уважаемая женщина. Молодая… Красивая… Теперь же никому ненужная — баба Варя.

Раньше, бывало, идет она по родному поселку, молоденькая совсем. Легкий июньский ветерок играет ее кудрявой челкой, сбивает на глаза. А коса была, аж

ниже пояса. Подружкам на зависть. А как взглянет-то синими очами из-под черных летящих бровей. Как улыбнется — не одно мужское сердце в пропасть летело…

Теперь чего уж, остается собирать свои седые да реденькие волосы в пучок. Хорошо, что со вставными зубами сын помог, оплатил, а то дорогое сейчас это удовольствие. Соседки завидовали. Вот, мол, тебя сын как любит. Денег Вадим на мать не жалел, это правда…

Часто теперь мысленно возвращалась баба Варя в свое прошлое. Вспоминала, как встретила она своего будущего мужа Ванечку. Как провожал он её домой поздними летними вечерами. Как выбирали они самую длинную дорогу, чтобы подольше не расстаться и задержать время — минутки, секундочки своего счастья… Как шептал он ей: « Радость моя ненаглядная, любимая, Варюша, Варенька...» - гладил рукой её темные волосы, залитые лунным светом. Потом сыграли свадьбу, через год родился Вадимка. Как она была счастлива… Затем уехали в город на заработки, получили квартиру. Вадимку в садик определили. Завертелась, закружилась жизнь: работа, отчеты, дела неотложные. Так пробежали годики. Вадимка школу закончил, потом институт. Девушку нашел, женился… Затем эта перестройка, 90-е. Бизнес открыл Вадим, стал жестким, резким. В общем, другим. И теперь баба Варя вглядывалась в прошлое: где, когда оборвалась тонкая ниточка, которая связывала мать с сыном? Упустила, недоглядела, времени не хватило… Горько теперь, жалко, а не повернуть время вспять, просочилось оно, как песок, сквозь пальцы. «А может, жизнь такая? Все стало с ног на голову. Сейчас ведь и не женятся, так живут. Детей рожать не хотят, для себя, говорят, пожить надо. А по телевизору-то что кажут… Не приведи Господь. Может, отстала я, старая, не понимаю чего?»- рассуждала бессонными ночами баба Варя. «Нет, не может быть такого, не то это, все не то...». Вспомнила она, как перед замужеством привела она в отчий дом своего Ваню испросить родительского благословения. Как достала из-за шторочек бабка её Настасья образок старинный Спасителя. Провела им крестное знамение перед склоненными головами молодых. Хоть и было время советское, а пытались старики сохранять веру Христову, хоть и таились.

А от Вари все это ушло… Со временем и вовсе не до того было. Прожила она в супружестве со своим Иваном душа в душу. Слова он ей недоброго за всю жизнь не сказал. То ли благословение бабушкино помогло, то ли Бог сохранил… А в последние годы стала баба Варя в церковь захаживать. Пока дома жила, не близко приходилось ковылять на своих больных ногах. Другой раз такси брала, чтобы на раннюю службу поспеть. Придет, встанет в уголке у иконы Божьей Матери и плачет, слезы сами собой по щекам катятся. Наплачется вдоволь — и вроде на душе полегчает.

Здесь, в «Сосенках», своя маленькая церковь была в честь Варвары Великомученицы. Частенько баба Варя туда приходила. Молитвослов приобрела, Евангелие, иконки. Исповедоваться, причащаться старалась каждую неделю. С батюшкой познакомилась. Часто теперь молилась она и в храме, и в тихой своей

комнате. За сына своего Вадима, за внука, за невестку. Всех она представляла, как живых, стоящих перед ней. Вглядывалась в их лица. Думала, как им там живется-то. Там?..

Сына своего Вадима тоже пыталась к отеческой православной вере приобщить. Только отнекивался он. Говорил, что не до этого ему. Но упросила мать разрешения надеть ему крестик нательный на шею, ведь крещен он был в детстве. И как благословение — подарила маленькую иконочку.

Апрель был на исходе. Солнышко все сильнее согревало землю, молодая трава начала пробиваться. Баба Варя все чаще стала выходить на улицу, подолгу сидела на лавочке, гуляла по аллее парка.

Рядом с основным корпусом началось строительство дополнительного вспомогательного помещения. Строили какие-то таджики или узбеки, баба Варя точно не могла определить их национальность. Бродя по дорожкам, она слышала, как они переговаривались между собой на непонятном для нее языке. Иногда она останавливалась невдалеке и наблюдала за ними. Один из рабочих заметил её и обратился на плохом русском. Расспрашивал, как она поживает, есть ли дети? Он был вежлив и почтителен.

Баба Варя вернулась к себе в комнату. Была она в растерянности. Рабочий из Узбекистана рассказал ей, что у них большой грех отказаться от своего отца или матери. В обществе такой человек оказался бы презираем. На улицу не посмел бы выйти. Да и вовсе нет там таких домов, куда отвозят доживать стариков-родителей… Грех… Мы уже и забыли, что это. Все смешалось. Слово наглость заменили на расторопность, любовь — на получение удовольствий, счастье — на «бери от жизни все». Неужели мы хуже узбеков? Почему из нас смогли все вытравить: нашу православную веру, традиции, культуру. Почему же мы все растеряли, как Иваны, не помнящие родства?

В эту ночь баба Варя долго ворочалась в постели — не уснуть.

Рано утром зазвонил её сотовый. Она встревоженно поднесла его к уху. Звонила невестка, Татьяна. « Варвара Петровна, вы только не волнуйтесь, Вадим вчера попал в аварию» - сердце бабы Вари ухнуло. - «Только я прошу вас не переживать,- продолжал Танин голос. - с Вадимом все в порядке, у него всего несколько царапин. Его из больницы обещали выписать через пару дней. Он сам Вам скоро перезвонит».

Баба Варя наконец-то смогла выдохнуть сдавивший её сердце воздух. «Наверное, только вашими молитвами Вадим живой остался, машина вся вдребезги,» - голос невестки задрожал. «Живой, живой, слава Богу, живой» - все твердила и твердила баба Варя: « Живой сынок-то, слава Тебе, Господи!»

Прошло четыре дня.

Баба Варя подошла к окну — день был солнечный, и она собралась после вечернего чая пойти на улицу посидеть на лавочке. Вдруг в окно она заметила, как к центральному входу подъехала незнакомая иномарка, из нее вышел Вадим. Ноги сами понесли к выходу. Как она много лет назад распахивала руки навстречу

бегущему Вадьке, так он сейчас распахнул ей навстречу руки. «Вадимка, сынок! Живой… Родненький мой, слава Богу!» - баба Варя не сдерживала слез. «Живой мать, живой, успокойся...» - вторил ей Вадим. «Я ведь за тобой приехал. Собирай вещи, домой поедем. Нагостевалась — и хватит».

Баба Варя вздрогнула, заглянула в глаза сына, они были влажными. «Мама, одна ты у меня. Ведь должно было встряхнуть, чтобы понять! Поехали, тебя все ждут...» Взгляд Варвары скользнул по набиравшей цвет молодой листве, по лучам солнечного света, озаряющего пушистые облака. Вдруг в бирюзе небес она заметила белого голубя — трепетание легких крыл. Варвара Петровна радостно улыбнулась. «Услышана я… Знать, простил Господь! Счастье какое подарил! Услышана!..»

Семейное гнездо

Был у нас в деревне сосед. Звали его Никита Афанасьевич. Был он мужчина основательный, хозяйственный. Имел супругу и четверых детей. Тяжелой крестьянской работы не боялся смолоду. Был радушным хлебосолом. Речистым и хорошим рассказчиком. Любил показать себя в шумных, веселых компаниях. В общем, про такого можно сказать — настоящий русский мужик. Да только не во всем. Временами сказывалась в нем горячая южная кровь, доставшаяся от далеких предков.

Как и полагается мужчине, задумал Никита Афанасьевич построить дом для всей своей большой семьи. Лелеял он мечту о том, что на старости лет соберутся все его дети под крышей семейного гнезда. Будет он нянчиться с внуками и доживать свой век, окруженный заботой родных и близких. С мечтой своей и приступил он к постройке дома.

Строил он, старался изо всех сил. Всю душу вкладывал в каждое бревнышко, в каждый забитый гвоздик. Все почти сам, своими руками. Но все равно пришлось изрядно потратиться, да и стройматериалы надо было искать, где-то доставать. Было время сплошных дефицитов.

Посадили Никита Афанасьевич с супругой множество фруктовых деревьев в саду: яблоню, сливу, ранетку… В общем, все, что только может прижиться в наших широтах и при нашем климате. В чтобы не хуже чеховских героев сидеть в собственном саду под фруктовыми деревьями и наслаждаться ароматным чаем с молоком под полуденное пение петухов!

Завидовали некоторые сельчане Никите Афанасьевичу, не без этого. «Вон, какой дом отгрохал и на какие такие шиши, спрашивается?» - шел недобрый шепоток по деревне. Да и сам он любил иной раз прихвастнуть и, что называется, байку пустить для любителей посудачить. Как-то даже пошел слух по селу, что Афанасьевич, дескать, зарыл где-то у себя под домом ларчик с деньгами. Так, на черный день. Поговорили-поговорили об этом, да и успокоились. Была ли то шутка или правда? Доподлинно неизвестно…

Тогда Никита Афанасьевич был полон6 сил и самых радужных надежд.

Стали один за другим подрастать дети. Старшенькая Людочка заканчивала школу, и надо было как-то её определить. Как любящий отец, Никита Афанасьевич желал только самого хорошего для дочери. Не хотел, чтобы она жизнь свою губила на скотном дворе, ухаживая за коровами и свиньями. В грязи да навозе пачкала свои пальчики. Знал, нелегок этот труд. После десятого класса отправил он свою Людочку в город поступать в педагогический институт. Хотел, чтобы она стала сельской учительницей. «Почет-то какой!»- бывало рассуждал он вслух: «Уважать её будут, с почтением относиться. Здороваться с поклоном. Эвон учительница идет, это тебе не… Вернется, замуж выйдет. Всех примем, дом большой».

Выучилась Людочка, да еще на четвертом курсе успела выскочить замуж. Муж её работал на крупном заводе, и вскоре они из малосемейного общежития переехали в двухкомнатную квартиру. От завода дали. В деревню она возвращаться не захотела, прижилась в городе.

Погрустил, посетовал на дочь Никита Афанасьевич, да плюнул, делать нечего. «Что взять с неё, с этой ученой? Выучил на свою голову. Теперь городская стала, нос воротит от нас. Навозом пахнем...»- бормотал он.

Один за одним подались в город и другие дети Никиты Афанасьевича. Только младший Колька остался в деревне. Да и то, когда возмужал, захотел жить со своей молодой женой отдельно, самостоятельно.

Вот так и посыпались прахом мечты Никиты Афанасьевича о родовом гнезде и старости, согретой вниманием детей и внуков. О топоте ножек младшего поколения, внуков, носящих его фамилию. Из города дети приезжали редко, только по большим праздникам. Остался доживать свой век Никита Афанасьевич со своей супругой в большом, но опустевшем доме. Бывало, садился он вечерком на завалинку среди цветущих деревьев. Вдыхал пряный аромат новых, распускающихся побегов. И все думал, думал он о чем-то, всматриваясь в вечерние сумерки. Пока не выходила жена, зазывая его в дом.

Пришла старость с длинной вереницей однообразных, не запоминающихся дней. Приступили хвори, болезни, немощи. Осень жизни. Встретил её Никита Афанасьевич достойно. Не стал он растить обиды на своих детей. «Знать, так надо… Разлетелись мои пташечки кто куда. Бог милостив, не оставит своих-то… Эх, покуда живы...»- повторял он часто. Морщинки вокруг его глаз начинали подрагивать, подступала слеза.

В один из теплых майских дней он сидел на завалинке, прислонившись к бревенчатой стене дома. Жена как обычно позвала Никиту Афанасьевича к обеду. Молчит. Она кликнула его еще раз, он опять не ответил. Потом подошла поближе: глаза его смотрели мимо неё немигающим взглядом. Взор их казался устремленным куда-то вверх в бескрайнее синее небо, будто он заметил там что-то важное… Казалось, что и само небо, как в зеркале, отражалось в глазах Никиты Афанасьевича своей бездонной глубиной.

На похороны приехали все дети. Отдали дань уважения отцу семейства. Проводили в последний путь, как полагается, и снова разъехались…

Через несколько лет дом продали, деньги разделили между всеми наследниками.

Теперь в этом доме живут другие люди. Растут и радуются жизни в нем дети с другой фамилией. Этот дом для них — родительский дом, но не покинут ли они его так же, как покинули дети Никиты Афанасьевича?

Посмотри, цветет сад, посаженный некогда Никитой Афанасьевичем. Цветет и радует душу…

Домой

Уже две недели я находилась вдали от дома за четыре тысячи километров. Без родителей в огромном, чужом городе. Это было так непривычно. Иногда мне казалось, что я и, правда, живу на другой планете. На поезде до родных добираться нужно трое суток или лететь несколько часов на самолете. Сначала я очень тосковала. Не могла смириться, что мне придется остаться одной в больничных стенах на долгое время. Меня некому было навещать и поддерживать, ведь близкие теперь на другом конце необъятной России.

Первый раз я ехала в Москву с радостью. Давно мечтая там побывать, я заранее предвкушала эту поездку. Но… просто так ничего не бывает. Для осуществления этой мечты мне пришлось заболеть. Со временем я поняла, что мечтать надо осторожнее… Тогда мы с родителями провели чудесные и памятные дни. Когда же я очутилась в больничных стенах, среди незнакомых людей, радость исчезла. Ни разу за свои десять лет мне не приходилось жить так далеко от дома. Что же, жизнь нас всегда чему-нибудь учит, и что-то происходит в первый раз.

Здесь были дети из самых разных уголков нашей страны, и бывших союзных республик. Я жила в одной палате с девочками из Абхазии, Молдовы, Тамбова, Воронежа. Мы все дружили между собой, скрашивая будни нехитрыми затеями. Вязали, читали книжки, ходили на прогулки в больничный дворик. За мои карие лаза меня тоже принимали за иностранку. И очень удивлялись, когда я говорила, что приехала из Сибири. Это приводило взрослых в большое изумление. Меня переспрашивали и уточняли название города, в котором я живу, еще больше при этом оживляясь и заинтересовываясь. Мне показалось, что в воображении москвичей Красноярск рисуется местом, закованным льдами и покрытым вечной мерзлотой, где запросто можно встретить медведей. И чтобы не замерзнуть, в каждом магазине продают спирт для сугреву населения. Ну, примерно так. Хоть это отчасти шутка, но для них она была недалека от истины. В Москву я приехала в длинной почти до пят шубе из искусственного меха, зимних, высоких маминых сапогах и теплом свитере. На меня смотрели, как на чудо из чудес. Думаю, когда я выходила на прогулку в таком одеянии, москвичи еще больше убеждались, что Сибирь — это не шутки.

Спасало то, что медсестры и врачи относились к нам детям очень по-доброму. Когда я впервые появилась в стенах больницы с заплаканными глазами, меня стали утешать, говорить, что всё будет хорошо и у меня еще появятся друзья. Я уже привыкла, что в Красноярске задерганные медсестры и санитарки повышали голос, раздражались, обижая порой до слез. Здесь все казалось иначе. Врач, впервые осматривавший меня, заметил шрам на моей руке и поинтересовался, откуда он. Я ответила, что кот обычный, рыжий. Врач, улыбнувшись, сказал: «Если ты из Сибири, то и кот тоже сибирский». Мне стало весело.

Но ни Москва, ни вкусная еда, не могут заменить родной дом.

В столовой меня восхитил вкуснейший персиковый компот с кусочками натуральной золотой мякоти, подаваемый на полдник. Он показался мне самым вкусным из того, что я когда-либо ела.

На мой восторг подруга по палате сказала: «Побудешь здесь подольше, тебе этот компот будет, что вода». «Не может быть?» - недоверчиво возразила я. «Увидишь». Ирина оказалась права. Этот компот стал такой же обыденностью, как горькие таблетки, принимаемые горстями.

Как-то у одной из девочек я увидела красочную книгу с забавными, смешными рисунками. Мне так захотелось её почитать, но нужно было дождаться своей очереди. Книга пользовалась популярностью среди девочек и переходила из рук в руки. Я ждала долго и вот наконец-то она оказалась в моих руках! Но почему-то столь желанная книга не доставляла радости, мне всё думалось о её бывшей читательнице. Как ни старалась я отгонять эти мысли, они приходили вновь. Эту девочку я видела редко и мало знала. Мои подружки тоже с ней не общались, так как жила она в отдельном боксе то с мамой, то с папой, которые попеременно присматривали за дочкой. Иной раз, проходя мимо отдельной палаты, где лежала незнакомая девочка, я пыталась заглянуть внутрь через приоткрытую дверь. Но мне мало что удавалось разглядеть. Там было тихо и спокойно.

Больничные будни шли своим чередом. Все как обычно. Здесь свой распорядок дня: подъем, завтрак, процедуры, обход врачей, прогулки, обед, тихий час. Так изо дня в день. В общем, ничего примечательного. Кроме того, что я уже второй месяц жила одна в чужом городе вдали от родных. За окном я видела, как зима укрыла белым одеялом больничный дворик. Деревья с темными, оголенными стволами сиротливо махали тонкими ветками. Сероватые, плотные облака казались насупившимися. Но, когда шел снег, все преображалось. Мне нравилось смотреть, как на землю неспешно падает пушистый снег, как он плавно и мерно покачивается в воздухе, словно вальсирует, отсчитывает ритм — раз, два, три. Раз, два, три. Снег, спускающийся с небес, всегда такой удивительный. В нем есть какая-то загадка. Будто сверху кто-то невидимый посылает эти мириады крохотных резных снежинок, чтобы украсить наш суетный мир. Они искрятся на воротниках и шапках, блестят на ресницах, тают в тёплых ладонях. Такие хрупкие. А может, это ангелы танцуют

на небе и из их больших, белоснежных крыльев сыплются на землю маленькие пушинки? Наверное, у них там праздник?!

Вечер, пришедший в город, окутывает всё легкой, голубоватой дымкой. Мир становится призрачным и невесомым. Завороженная убаюкивающим танцем снежинок, я не отрываясь смотрю в окно. Сиреневые тени заскользили по снегу, а от желтого света зажегшегося фонаря всё заискрилось. Какие же они, должно быть, красивые эти ангелы!? И я забываю, где я и что со мной. Кажется мне, что я дома. Пахнет хвоей, мы с мамой наряжаем новогоднюю ёлку, и нам так весело. Разноцветные ёлочные игрушки переливаются на свету, мне нравится перебирать и разглядывать их. Вот маленькая забавная обезьянка, вот клоун в цветном колпаке, а это должно быть, Бармалей с длинной бородой. Наконец, из картонной коробки мама достает главных героев зимней сказки — Деда Мороза и Снегурочку. Вот здорово, радуюсь я. Папа улыбается, ему понравилось, как мы с мамой нарядили нашу ёлочку. Теперь попробуем включить ирлянду из разноцветных лампочек. Ура! Она зажглась! Я хлопаю в ладоши.

Рыжая кошка одобрительно поглядывает своими янтарными глазами, её зрачки сузились от яркого света и превратились в тонкие, черные полоски. Она понимает, что скоро будет праздник и начинает бегать по комнате в предвкушении торжества. Где-то в шкафчике на кухне припрятаны шоколадные конфеты и ароматные с пупырчатой кожицей апельсины. Они тоже ожидают своего часа. Как хорошо, ведь праздник, это так весело…

«Все, кому назначено, - на уколы! Идите быстренько!» Что это? Чей это голос? Не сразу я выхожу из пленительного миража. Боже, неужели мне это лишь привиделось? Тоска вонзается в сердце острой иголкой. Послушно бреду в процедурный кабинет, все это уже стало таким обыденным, я уже не чувствую ни боли, ни страха. Затем ужин, немного свободного времени и отбой. Спать в десять часов вечера совсем не хочется. Задумавшись, лежу в кровати с открытыми глазами. Вот бы сейчас надеть шапку-невидимку и очутится дома. Представляю, как родители удивятся. А ещё лучше, полететь по небу на ковре-самолете и приземлиться возле нашего подъезда, незаметно открыть дверь своим ключом. Папа, наверное, пришел с работы, и они с мамой ужинают, пьют чай. Это странно, что меня нет рядом с ними. Они там, а я здесь. Ерунда какая-то… Да, ведь завтра утром надо будет сдавать кровь из вены. Чем-чем, а этим меня не удивишь, теперь это стало делом привычным, как почистить зубы. Ведь, если будут хорошие анализы, то меня выпишут. Вот было бы хорошо… Подступает дремота, и я погружаюсь в сон.

Новый день опять встречает своими заботами: процедуры, обход врачей, прогулка, сон-час, общение с подругами — наши с ними секретики. Разговоры о мечтах, планах, сказочных принцах. Ещё нужно будет сделать своими руками открытки для наших мальчишек и врачей к празднику 23 февраля и подписать их. Впереди столько дел!

Проходя мимо игровой комнаты, я вдруг увидела, что книга, о которой я мечтала, стоит на полочке. А через несколько дней я узнала, что девочка, жившая в отдельной палате, умерла. Это было невероятно. Такая маленькая, она жила рядом с нами, среди других детей. Теперь её нет, и уже не будет. Вот и её книжка со сказками уже не кажется яркой и забавной. Это была та самая книжка. Но что-то не вязалось с этими детскими картинками. Что? Да, пожалуй, именно то страшное слово… И так тягостно стало от нахлынувшей пустоты.

Но, тише, тише. Если внимательно прислушаться, то кажется, что на небе вновь танцуют и кружатся белоснежные ангелы. И пушинки с их крыльев падают на землю. Вы видите маленькую девочку, которая танцует вместе с ними?! Она улыбается…

Через три недели настал день выписки. На душе было светло и радостно, ведь я скоро буду дома! За мной приехал папа. Я прощаюсь с подругами, беру у них адреса. Мы обещаем писать друг другу письма. Но все это уже от меня далеко: больница с её монотонными буднями, врачи, уколы… Я предвкушаю встречу со всем, что мне близко и дорого. И вот мы уже летим домой вечерним рейсом Москва-Красноярск. В самолетах есть какая-то романтика. Мне нравится летать, смотреть в иллюминатор на то, как приближается или удаляется земля, превращая здания в маленькие точки и глядеть на перистые облака. Полет прошел хорошо. В Красноярске мы приземляемся глубокой ночью. Огни аэропорта, как маяки, приветливо святятся в темноте. Нужно еще дождаться, когда доставят наши сумки и чемодан из багажного отделения. Но вещей всё нет. Мне досадно, уже несколько автобусов с пассажирами отправились в город, а мы ещё ждем. В нетерпении и надежде, что багаж скоро прибудет, я выбегаю на улицу и сажусь в автобус занимать места для себя и папы. Идет время, авобус наполняется людьми, а папы все нет, что делать? Вот уже и двери автобуса закрываются, водитель хочет тронуться. В отчаянии я вскакиваю с криком: «Подождите, там остался папа!» - бегу к дверям. Женщины сочувственно переглядываются и улыбаются, говоря, что девочка видно очень соскучилась по дому. Да, я не была там два месяца, но откуда им знать. Я выхожу из автобуса, вижу папу, который тревожным взглядом ищет меня. Багажа еще нет, приходится набраться терпения…

Но вот, мы едем по сонным, заснеженным улицам. Город и его жители давно спят и видят сны. В окнах домов нет света. Только фонари тускло освещают пустынные тротуары. Теперь я дома. Мама открывает дверь, и я бросаюсь в её объятья. Рыжая кошка радостно трётся о ноги, распушив хвост. Всё так привычно и знакомо: зеркало в прихожей, шкаф для одежды, сделанный папой, главное — мамина улыбка. Я прохожу в зал и замираю от удивления при виде наряженной новогодней ёлки. Вот это да, ведь уже середина марта! Ёлка тоже дожидалась моего возвращения. Мама специально не убирала её. На ней уже появились молодые зеленые побеги, и так приятно пахло хвоей. На кухонном столе я увидела оранжевые, как солнышко, апельсины. Видимо, праздник решил у нас задержаться… И кажется мне, что я

никуда не уезжала, и всё это мне только приснилось. Не было ни разлук, ни расставаний: «Ведь, правда?» Рыжая кошка мигнула мне своими янтарными глазами: «Конечно, правда!».

Хайновский Юрий Владимирович,
г. Назарово, инвалид 2 группы, участник многих литературных конкурсов среди авторов-инвалидов, Лауреат краевого литературного конкурса «Души прекрасные порывы» в рамках фестиваля художественного творчества инвалидов «Вера. Надежда. Любовь.»

Милый край

Вдоль Аргиского хребта, что Саян отроги,
Где течет Чулым-река, здесь мои дороги.
Огибая город мой плавно нежно змейкою
Ты Чулым зовет с собой речку незаметную.

Да, Чулым и Ададым
Вместе здесь встречаются
Куда ветер, туда дым
Песня начинается.

Да! Чулым, Чулым — река город мой Назарово
С ГРЭСа дым как облака ветер гонит заново

Здесь красивые места и простор широкий
Шлет привет гудком с моста
Электричка — звонкий
Да, Чулым и Ададым вместе здесь встречаются
А по небу облака ветром подгоняются.

Да! Чулым, Чулым-река с плотиной-мостами
Милый край украсила островками-тайнами

Да, Чулым, Чулым-река вместе здесь встречаются
А мы весело поем жизнь ведь не кончается
Да, Чулым, Чулым-река с плотиной-мостами
Здесь красивые места с хвойными лесами.

Да! Чулым, Чулым-река город мой Назарово

Ранним утром на заре день начнется заново

Ранним утром на заре день начнется заново!
Жизнь продолжается!

Родные места

Станешь взрослым — поймешь — жизнь течет, как вода,
От судьбы не уйдешь, где бы мы не бывали.

Знаю, тянет всегда нас в родные места
В детство, где родились и росли и мечтали.

Будет горный Алтай — Снежное Алатау.
Дальний солнечный край, где цветет все в саду

Но не станет родной Волга с тихой волной
Даже Черное море с бухтой той голубой.

И чем больше дорог в жизни мы выбираем
Тем любимей, дороже Красноярский наш край

Край желанный родной с Енисеем — рекой
Видно он нам не зря, дан судьбою такой

От судьбы не уйдешь, говорят неспроста,
А где быть довелось, помнить будем годами

Только тянет всегда нас в родные места
Где прожить нам дано, верю лет больше ста.
Только тянет всегда нас в родные места
В детство, где мы росли, где рождалась мечта.

Артюхов Виктор
село Лебяжье Краснотуранский район

Рассказы Виктора Артюхова написаны на основе достоверных событий, произошедших с автором на рыбалке в окрестностях своего села. Правдивы описания природы и местного ландшафта, не обошлось, конечно, и без вымысла, но это право автора.

На рыбалке

Солнце проклюнулось в колючих вершинах соснового бора и появилось на голубом небосводе, суля своим оранжевым ликом погожий летний день. Неожиданный ветерок прошелестел влажными листьями деревьев на приусадебных участках и затих в сеновалах за околицей села. Проснувшиеся хозяева начали выгонять свой скот на выпаса, где их поджидал, не опохмелившийся с утра, пастух. Он резко щёлкал бичом и громко кричал на непослушных коров, сгоняя их в стадо. Михаил собрался подтяпать картошку на своем участке в огороде и вышел во двор многоквартирного жилого дома. Его сосед уже копошился на своей «плантации» и что-то недовольно ворчал.

- Привет «землевладелец», как дела? - поприветствовал и поинтересовался он у соседа.

-Шланг ночью украли, - ответил возмущенный сосед.

- Армагеддоны наверное…, теперь не найдешь…, пропили…, - заключил Михаил и безнадежно махнув рукой, пошел тяпать картошку.

Прополов половину участка, он решил, что на сегодня хватит, солнце припекало, и отдыхающая на селе молодежь небольшими группами потянулась на прогулку к морю.

- А не сходить ли мне на море, порыбачить, и искупаться заодно?- подумал Михаил, и, умывшись в огородной бочке холодной водой, пошёл в дм за удочкой.

Не надеясь на богатый улов, удочку взял небольшую, прихватил горбушку ржаного хлеба для наживки, и отправился к речке за околицу села. Речка впадала в Красноярское водохранилище и образовывала широкий залив с песчаными берегами, поросшими тальником и густыми зарослями облепихи. По пути он встретил утренних рыбаков, возвращающихся с рыбалки, они поздоровались с Мишкой и пожелали ему «ни пуха, ни пера», так как время утреннего клева давно прошло. Подняв указательный палец к небу, он ответил на их пожелание библейскими словами - «Стучите и вам откроют, просите и вам дадут».

Перекурив и посмеявшись над рыбаком одетым в красную футболку с надписью «Занесён в красную книгу», они разошлись — Михаил на рыбалку, а рыбаки домой. У залива было многолюдно. Семейные пары со своими детьми приехали на легковых автомобилях отдохнуть и позагорать у моря, деревенская ребятня, побросавшая свои удочки, весело купалась и шалила на этом же рыбацком месте. Солнце пекло, и только легкий ветерок приносил желанную прохладу с моря.

Михаил понял, что уединения ему здесь не найти, перебрёл на противоположный берег залива и только там нашел удобное для рыбалки место. Наживив и закинув удочку, он стал ждать клёва. Клевала только мелкая рыбешка, которая молниеносно съедала ржаные шарики, и попадалась на крючок.

Поймав пару-тройку вездесущих ершей, эта нервная рыбалка ему надоела, и он, раздевшись по пояс, стал загорать, безучастно посматривая на беснующийся поплавок. Перед ним раскинулась зеркальная гладь широкого залива, местами поочередно покрываясь мелкою рябью от легкого порывистого ветерка с моря. На противоположном берегу, в знойном мареве от раскаленного песка, двигались расплывчатые фигуры отдыхающих, и казалось, что расстояние в заливе меняется, то удаляя, то приближая соседний берег.

Михаил стал наблюдать за знакомым рыболовом на противоположном берегу — рыболов иной раз начинал удаляться, как бы медленно растворяясь в пространстве, а потом так же медленно появлялся вновь, и его отчётливее становилось видно.

Поблизости послышались звонкие голоса. Это озадачило Михаила, потому что добраться сюда, где он рыбачил, было не просто. Нужно было обогнуть крутую гору по осыпающейся тропинке, которая извиваясь, лежала на самом краю высокого обрыва или пройти внизу по крутой осыпи острых камней нападавших с крутого скалистого основания горы, подмытого речкой.

Михаил оглянулся на голоса и увидел у большой коряжины, лежащей на песке, бегающих подростков, громко о чём-то восклицающих. Он подумал, что это сельские проворные мальчишки пробрались сюда покупаться и поиграть на песке. Но подметил, что они в одинаковой оранжево-синей одежде, и сделал вывод, что это дети из спецшколы, так как они одеваются одинаково. Ничего необычного в этом не приметив, он продолжал загорать, не обращая на них внимание. И, как оказалось, напрасно.

Кое-как поймав с десяток небольших карасиков на сковородку, Михаил отправился домой, и, проходя мимо большой коряжины, ребятишек уже не увидел.

На следующий день он вновь отправился на рыбалку, но в другой залив, где надеялся поймать более солидный улов. Его путь пролегал возле знакомой коряги, и он решил посмотреть, что делали возле неё ребятишки, которые были здесь вчера. За корягой он увидел прямоугольную яму с закругленными углами и идеально ровной песчаной поверхностью внутри. Объём этой ямы был примерно равен объёму стандартной школьной парты. Это его сильно удивило, потому что выкопать в песке такой формы яму было невозможно. Да, и кому она понадобилась на берегу?

Появление загадочной ямы, заставило Михаила внимательнее припомнить бегавших здесь мальчишек и необъяснимых вопросов у него прибавилось. Он вспомнил, что воспитателя с ними не было, да и воспитатель бы их сюда не повёл. Они были одинакового маленького роста и в знойную жару облачены в оранжево-синюю одежду похожую на комбинезоны, странно суетились возле коряги, и, бегая вокруг неё, что-то восклицали.

Никакого разумного объяснения вчерашнему событию он найти не мог. В голову приходили разнообразные мысли, и, тем не менее, Михаил предположил, что это были инопланетяне из другого измерения и брали на пробу грунт, хотя никакого летающего объекта он не видел. Через несколько дней он привел на берег своего

друга, и, показав ему яму, которая к этому времени была наполовину занесена песком, спросил у него, что он думает по этому поводу. Друг, удивившись, ничего объяснить не мог и лишь сожалел, что не удалось сфотографировать это явление сразу. «Так я же на рыбалку пошел, а не за инопланетянами подглядывать»- улыбнувшись, подытожил Михаил.

После этого случая Михаил ходил на рыбалку не только с удочкой, но и с фотоаппаратом. А вдруг нежданно-негаданно инопланетяне прилетят?- не теряет надежды он.

Вороний смех

Как-то солнечным летним днем я возвращался с рыбалки. На светло-голубом небе еще ярко светило солнце, курчавились редкие белые облака. С моря дул свежий легкий ветерок, местами поднимая чешуистую рябь в длинном прибрежном заливе, который я не спеша обходил, направляясь в едва виднеющуюся вдалеке, в знойной дымке, деревню.

Вокруг меня кружили две уставшие собаки — крупный породистый Крик и маленький задиристый Чип, непонятной «чебурашкиной» породы. Они поочередно, наблюдая друг за другом, заходили в залив и, полакав раз-другой прохладной воды, медленно проплывали несколько метров и, довольные, выбегали на сухой берег прямо к моим ногам, стараясь стряхнуть влагу на меня, показывая этим, как хорошо сейчас искупаться. Я добродушно ворчал на них и отгонял от себя ивовым прутом.

Пройдя «добрую» половину пути, я увидел двух ворон, низко летящих навстречу мне. Они что-то высматривали в густой заливной траве и по-вороньи переговаривались между собой: «Кар-кар»,- повернув голову к напарнице, говорила одна. «Кар-кар-кар-р-р», ответила другая.

Когда вороны полетели ближе ко мне, я решил передразнить их, и гортанным голосом каркнул пару раз: «Карр-р-р, кар-р-р». Вороны замедлили полет и, беспорядочно меняя направление, вдруг захохотали по-вороньи, с до боли знакомой интонацией человеческого смеха.

«Кар-р, кар-р, кар-р»,- смеялась одна. «Кар-кар-кар-кар»,- хохотала другая, заставляя и меня глупо смеяться вместе с ними.

Весь оставшийся путь до деревни я прошел ошеломленный увиденным и безответно раздумывая: «Что я воронам прокаркал и заставил их хохотать?»

Как мало мы еще знаем и понимает окружающую нас мать Природу, порою бездумно и безжалостно досаждая ей.

Моргунов Юрий
пгт Шушенское

Родился в Омской области 14 февраля 1947 года. Жил в г. Усолье-

Сибирском Иркутской области. В городском ДК занимался музыкальным творчеством. Служил в ансамбле песни и пляски, где играл в оркестре и пел. После армии окончил музыкальное училище в г. Норильске. Преподавал в музыкальных школах. С Шушенским народным ансамблем гастролировал по «Союзу», Венгрии, Голландии. В Шушенском РОНО создал кино-фото студию «Крокус» Увлекался пешеходным туризмом, альпинизмом, фотосъемкой пейзажей. Был внештатником Шушенской контрольно-спасательной службы. С 1992 года спасатель МЧС РФ: по России был на многих катастрофах природного и техногенного характера. В МЧС пришел 45-летним, и в 60 лет проводили на пенсию.
В 2007 году Шушенский историко-этнографический музей пригласил к себе фотографом для создания базы данных основных фондов музея. Откликаясь на зов души — пишу стихи и рассказы. Главной темой являются люди, природа и отношение людей к природе. Публиковался в местных и краевых СМИ, в авторском литературном журнале «Северо-Муйские огни». В журналах Беларуссии - « Метаморфозы», «Эколог и Я», «Мир животных».

Дядя Ваня

Спонтанно собралась мужская компания. Дождевая туча, подчиняясь ветру, парусом уплыла за окраину города. Весна будоражила. Распахнув створки своих гаражей, пропуская в чёрные пасти тёплый весенний воздух, мужики, кто, протирая тряпкой руки, кто, закуривая, щурясь при этом от дневного света не спеша, собрались у соседнего гаража синеющего после капитального ремонта. Поднявшаяся почти на метр крыша гордо держала взлетающий кованый флигель с драконом, хвост которого показывал, откуда ветер дует. Любуясь, отметили, что неровность старых крыш гаражного ряда не такая уж и не ровная.

Кто о чём! Но, вот речь о кузнецах, о заготовках, которые, зарывшись в раскаленные угли, набирают нужную температуру и цвет. И интонации банального трёп начинают приобретать обертоновые краски колорита и уважения к кузнечной профессии. Кто-то делится знаниями старинных технологий: ковка слоеным пирогом, кузнечная сварка якорей, вытравливание ржавчины из металла в болоте. А уж, силушку богатырскую кузнеца, да глаз точный, когда в концы троса надо вплести крюки. И как же тут обойтись без утреннего, на зорьке, мелодичного разлива наковаленки. С интересом слушаю и мысленно вспоминаю притчу о восстановленной силе и мастерство рода кузнеца в старину. И в памяти моей встаёт дядя Ваня — кузнец из моей юности.

В шестидесятые годы прошлого — теперь уже века, два года я работал молотобойцем у него в кузнеце, пока не призвали в армию. Кузня наша располагалась на территории Усольской городской механизации, на высоком левобережье Ангары. Ниже нас вдоль реки тянулись дома, где жил и сам дядя Ваня.

А ещё ниже, параллейно улице, тянулись баржи на ржавых палубах, в которых находились остатки гравия.

Дядя Ваня к этому времени был пожилым шестидесятилетним человеком. Обычного, невысокого роста, сутулившегося, но с легкими и уверенными движениями. Лицо было не красивое, коричневое и часто не бритое как у степняка, но привлекательное морщинами и приплюснутым носом. В полураскрытых губах папироса «Север». Улыбчивые с хитринкой глаза его, встретили меня как старого знакомого.

- Вырос! Помню тебя пацаном. Ну, что же. С виду крепкий. Огня не боишься?

- Нет!

- Значит… Юрка, я твой старший друг, а этот — он показал на кузнечный шестикилограммовый молот — младший. Оставайся.

Позже, я увидел в нём человека много испытавшего и пережившего. Казалось, он оберегал свою индивидуальность: свободу действий и поступков. Знал себе цену. И даже где-то сам себе на уме. Любил и ценил деньги, но при этом легко с ними расставался. Романтик-авантюрист.

- Не без греха — как сам о себе говаривал, - жизнь принуждала. Надеялся только на себя. Покуривая, он глубоко уходил в свои думы, как бы сравнивая прошлое с настоящим.

Каркасный — один из окраинных посёлков Усолья-Сибирского на Ангаре. Я жил там и услышав — будучи пацаном — треск мотоцикла, за которым был дядя Ваня, мы с любопытством старались попасться ему на глаза. Он катал нас. Мне при этом очень нравилось заднее сиденье, широкое, резиновое, оно мягко покачивалось на двух огромных пружинах. Некоторые матери незлобиво называли его не понятным мне словом «Кержак». Теперь я понимаю, он был индивидуальным, хозяйственным и не пьющим мужиком. Но, без табачка не мог.

Втянувшись в работу молотобойца, я освоился и с разжиганием горна, и с подготовкой инструментов к работе,- укладывая молотки в воду. Проверял силу своих рук. Ухватив молот одной рукой за конец черенка, подносил его бойком к своим губам. Я стал выносливее, а молот послушнее и точнее. И раскаленные заготовки казались не такими уж опасными. Глядя на мелькавший молоток кузнеца я более мужественно переносил близкий от моего лица и дыхания белый металл с летящей после удара обжигающей окалины. И когда молоток дяди Вани плашмя ложился на край наковальни, я с облегчением понимал — работа сделана.

- Юрка, попей чаги, а я покурю пока.- Не снимая верхонок, я брал закоптелый чайник и наливал в стакан.

- Пей больше, она полезна. Всё внутри промывает.- Покурив, он тоже брал с горна напарившийся березовый гриб и цедил в кружку. Испытывая жажду причмокивая пил. Убрав кружку к чайнику, прихватывал клещами бордовый уголёк и с удовольствием прикуривал очередную папироску, придерживая её не разгибающимися пальцами правой руки. Прищуривая от дыма глаза, мечтал: как

поплывём мы по речке Быстрой, и как выведет она нас в Иркут, а далее в нашу Ангару.

- Ну, как, не забоишься!? Там такие березы! Там чага. Мне-то уж куда за ней лезть , а ты молодой, шустрый.

Я уже любовался огромной резиновой лодкой, свулканизированной дядей Ваней. Осталось сделать мех для её накачки.

Наша кузня была неким местом отдыха. Работяги на перекурах, из мастерских тянулись к огню и к Ивану. Народ чувствовал, когда к нам можно зайти пообщаться, а уж по работе, в любое время. В ремонте техники без кузнецы и опыта кузнеца, ну, ни как.

Вот и сегодня, после выходного дня, зашли несколько слесарей, тракторист и токарь. Примостились кто где. Курят. Взглянув на неряшливое лицо тракториста, хозяин кузни заметил, - да с хитринкой так

- Ну, что, мужики, голова болит?

- Это, как водится, Иван. Понедельник, сам понимаешь.

Улыбаясь пи этом, понимали, что Иван не пьёт. Дымит правда часто. И вдруг, один, на ходу снимая с левого запястья часы, подлетает к наковальне, левым рукавом робы смахивает окалину с её блестящего ложа и кладёт их циферблатом к верху.
Народ запереглядывался.

- Иван, говорят ты мужик решительный. Со своими личными правилами. Сможешь вот этой, Юркиной кувалдой, разбить вот эти часы. Что б...часы! Ну! Как!?

- Во-первых, - вступил в игру дядя Ваня,- Это не кувалда, а молот. А во-вторых… - Только все и ахнули, когда молот впечатал часы в наковальню. И только концы ремешка, чуть обвиснув, остались торчать под бойком. И не одному режиссёру не добиться у актёра такого выражения лица, какое было у хозяина часиков. А одобрительный гул восклицаний торжественно витал и растворялся в задымленном пространстве закопчённой кузницы.

Лето! В кузне жарко, на территории душно. А на крыльце ветерок, летящий от Ангары. За рекой тёмно-зелёным гребнем тянутся Бархотовские горы, а за ними прячется Александровский централ. Ниже по течению просматривается прямоугольная башня с корпусами солеваренного завода. Примыкая к заводу, на самой его окраине, обозначаются деревянные бараки поселка солеваров Вакуумный. Западнее, на горизонте, торчат трубы Усольского химпрома, изрыгающие хлор.

Работяг тянуло в нашу кузню.

- Иван, расскажи то-нибудь из твоей жизни. Слышали. Ты только без обид, что сидел по молодости.

- Ну, так, что ж, сидел!- Дядя Ваня поправив фартук,- В то время с этим было проще. Грешный, не грешный, десять лет лагерей.

- Ну, а ты как, по грехам?

- Да, вроде нет. Но я понял, ничейного не бери. Оно хоть и пропадает добро, не бери. Людям это не нравится.

- Ты подробнее Иван, что б понять,- Ввалившийся моторист перебил, начавшуюся было историю. Да и состояние у него было похмельно - аховое. И ведь не понедельник.

- Иван, выручи… три рубля. Ну!? Вот так надо,- При этом он крест на крест прикладывал трясущиеся ладони к своей груди.

- Не выручу. Да и отдаёшь плохо. Да и что у тебя потом с получки для семьи остается?

… ну, что угодно!- не унимался моторист. Дядя Ваня задумался.

- Помнится, когда-то, ты хоть головой в бочку с водой, готов за трёшку.

- Да я вообще, даже сейчас две минуты могу пробыть под водой.

- Значит сможешь?

- Да, смогу!

- Сможешь, трёшку заработать без отдачи. Она твоя.

- А то!- мужичок сбросил рубашку, подошёл к бочке с водой, где мы замачивали рукоятки молотков. Вода была уже не чистой, с масляной пленкой и окурками.

- Мужики, засекайте время! - И голова с ушами ушла в воду. На второй минуте тело моториста начало проявлять беспокойство. Сначала покраснели шея и кончики ушей. Потом по плечам и спине побежали мышечные конвульсии. Но упорно, как истинный боец, он шёл к своей зеленой трёхрублёвке.

По истечении двух минут чья-то рука коснулась его судорожного плеча. С шумом выдернув голову из бочки, выплёскивая воду и отфыркиваясь, он, ошарашено таращась на окружающих, победно улыбался! Безумные, как малиновые угли газа, вздувшиеся вены на бордовой морщинистой и худой шее, и нелепая мимика лица, пытающаяся выразить радость победы. Под общий гул одобрения, он взял у Ивана три рубля и, схватив рубашку, выбежал во двор мастерских. Две минуты не так уж и много, и даже совсем не много, но, в его состоянии! Историю свою дядя Ваня рассказывал уже в следующий раз.

Стоя спиной к кузнечному горну, и опираясь одной ногой в лиственничный кряж, на котором стояла наковальня, дядя Ваня, прикуривая от уголька затухающего огня, начал рассказывать.

- В тридцатых годах я жил в колхозе. Женился. Родителей моих уже не было. В МТС набирался опыта по кузнечному делу. Грамматёшка моя так себе. Но, жена грамотная была, работала при конторе кассиром. Станция с кузницей за деревней была. С работы домой возвращался пешком. В тот раз тоже, через поле с лесочком идём с мужичком. Сумеречно, но светло ещё. И идти оставалось уже не много. Увидели в стороне лежащего бычка. Подошли. Сдох недавно видать, но не холодный совсем. Хоть и с опаской, приволокли его ко мне во двор. Я ближе жил, а к попутчику ещё тащиться. Затащили его в мой сарай и давай разделывать. Жену покликал, нет её. Как утром ушла в контору, так и нет ещё. Печь холодная — семья голодная. А теперь представьте себе картину. Дядя Ваня переставил ногу, отбросил окурок на угли.

- Мы с ножами в руках, разделанный бычок на полу, на соломе. Стук в дверь. Думаю, моя пришла. Заходят двое по милицейской части.

- Где твоя жена?

- Не знаю, с работы ещё не пришла. - А тут уже доброжелательные соседи толкутся.

- В это что?

Так вот, на мясо, бычка… А соседи тут же.

- Не было у них такой скотины.

- Ну, раз так, значит украли?

- Да, нашли мы его,- объясняем,- как на духу,- дядя Ваня поправил одну из кирок, лежавших поленницей на краю горна,и закурив, продолжил.

- Самое нелепое, мужики, и смешное, что сотрудники пришли за моей женой. Оказалось, ни её, ни колхозной кассы. Я в шоке от этой новости, а тут ещё это мясо. Ну, нам по десять лет лагерей и влепили,- посмотрев на окружающих, многозначительно добавил:

- Тогда, хоть за утку, хоть за быка, всё одно, десятка.

- А жена с кассой, где и как?

- Я сам сидел уже. Потерялась, до сих пор.

- Ну, Иван, - не унимался один из слушателей..

- У тебя- то сейчас жена, у-у-у!, как моложе тебя, годов на тридцать!? И беременна. Ну, ты молод!- Эта реплика была приятна дяде Ване.

- Ну, в лагере, как ты там?

- Да, случился такой грех, убил человека против моего желания. Не бандит же я какой и не блатной. В лагере меня считали нормальным работягой. Трудился кузнецом, как и сейчас. Много чего приходилось изобретать. С одними тросами, сколько было работы для чекеровщиков, когда в их концы вплетал крюки. Зеки уважали меня и мою кузню. Зимой есть где погреться, я их не прогонял. Они не обижались даже когда я с ними чифир не пил. Начальство ценило меня, с пониманием относилось к моему делу. А тут, однажды завалил ко мне один уркаган, из блатных. Ни привет тебе, ни здрасте. Носом шмыгает и в горну. У меня там похлебка, остывая напаривалась. Заглянул в котелок.

- Галушки переть намылился без меня? - Ехидно так хихикнул. Выхватил из гона одну из арматурин с раскаленным концом и в котелок.

- Доваривать твои галушки надо!

- Отбросил трут и с ними к выходу. Вот подлюга, - думаю. Везде себя хозяевами считают. Я повысил голос на него, чтобы не подумал, что боюсь его. Крикнул — верни туда, где взял.- Уже у выхода блатной поставил котелок, и с воплем схватил железяку — Ах, ты вша угольная.

- Да на меня. Да так быстро. Ну, думаю, хана мне. Сам не понимая как, я, не оборачиваясь успел выхватить другой прут, и, увёртываясь от удара, опережая его, вгоняю раскаленный, тупой конец ему в живот. Единственное, о чем я в этот момент

подумал, с каким шипением, раскаленный метал вошел в него. Тут уж не до обеда. Конечно, от случившегося, я был в шоке. Ясно осознавал, что за этим последует. Блатные просто убьют меня. Это их закон. Я за мастером смены, а уж он ещё кого-то из начальства привел. Переварив этот случай, уважая во мне работягу, вскоре, под секретом от блатных, перевели меня этапом в другой лагерь…

- Ну, то, Юрка! Скоро тебе служить. Кое-чему в кузнечном деле ты научился. А пока вот эти кайла в горн. Оттянешь носики, поправишь лопатки, а потом займёмся тросами. Я уже знал. Концы тросов расплести не трудно, а вот вплести концы в тело троса и зафиксировать их по горячему, обжать прутом в двойное кольцо!.. - с дядей Ваней- это не сложно!

Спасатель

Люди с душой спасателя
Были везде и во все времена

Когда случайный человек пытается помочь оказавшемуся в беде — он сам в силу обстоятельств попадает в экстремальную историю. И весь его дух и сознание начинают работать на успешный выход из этой ситуации.

Вспоминая и анализируя свой поступок многолетней давности, он не знал, почему решил тогда остановиться, провожая взглядом, уходившую свою группу лыжников с которой сюда пришел, крикнув им вдогонку: «Ребята, подождите. С парнем что-то случилось. У него проблемы.» Одинокая фигурка мостилась на краю коряжки, вдавленной в снег. Парень, судорожно ёжась, плакал. Вечерело, и морозец становился все более энергичен. А до окраины Норильска ещё пять, шесть километров.

Тундра, дремотная и не причёсанная, выходила из полярного сна. Пришло время поменять снежные монохромные покрывала на весеннее разноцветье. Май ещё днем радовал светом и ласкал тундру несмелыми лучами солнышка, а к вечеру зарделся морозцем, всё быстрее зарываясь в золотистые, обжигающие снега, надвигающихся сумерек.

И полгода не прошло, как этот парень, после армии, по путёвке приехал в Норильск. И вот она! Первая заполярная весна. Молодежь, живя по законам общежития, быстро находит друзей — часто случайных — и всё это в рамках определенных правил и взаимоотношений. Происходит всё легко и с задором присущим юности. После первой полярной ночи выйти в тундру на лыжах, да ещё с девушками, весело и кокетливо поглядывающими,- это было здорово! В лицах попутчиков читалось предвкушение затаенного восторга и счастья. Группа из парней и девушек с лыжами и котомками за плечами шла через весь город к его окраине, к месту, с которого многие лыжники уходили в соседнюю тундру отдохнуть на природе. А пока проходили высокие кирпичные пятиэтажки, похожие

на бастионы крепостей с обширными дворами. « Ну, что, впервые предвкушаешь встречу с белым пространством!?»- сказал Саша.

Шли по основной лыжне. Прошли нитку газопровода, о котором говорили ребята. В голосах, в которых звучали грустные нотки о том, что из-за этой бесконечной магистрали труб, стадам оленей стало труднее перемешаться историческими путями по тундре. Тем временем, лыжня подвернула под П-образные ворота газопровода. Идя замыкающим, до него долетали голоса впереди идущих. - « … уже километров пять, шесть прошли». - Ничего себе, как быстро! - Отмечал он. И ещё! - Попадаются наклоненные лиственницы. Будто вот-вот, и упадут. Надо спросить Саню. Мысли его отвлекла шумная кампания лыжников, сбившаяся в кружок, весело галдевшая, перекусывающая и выпивающая. Их было человек пять. Парни и две девушки. - И подумалось! - Весёлые и счастливые!

Повинуясь простору весенней тундры, группа начала расходиться. Юра, привлеченный синими тенями, шел на солнце, не выбирая пути. Следы от лыж с обрывками восторженных голосов то скрывались в синебелых волнах снежника, то появлялись. Прикрывая глаза от отражения весенней тундры, он с волнением всматривался в раскинувшееся пространство. Рельеф, украшенный штрихами падающих лиственниц, создавал необычную красоту северного ландшафта.

Накатавшись и набегавшись друг за другом по снежным взгоркам, группа, сбившись в кольцо, приступила к обследованию котомок, из которых в одно мгновение стали разбегаться бутерброды и даже конфеты, а термоски, окутываясь ароматным паром, с удовольствием наполняли чашечки горячим содержимым. Общий задор приутих, и все как бы почувствовали пробежавшуюся искру на возвращение.

Скатывающееся солнце напомнило о скоротечности весеннего дня. И тут он вспомнил, что хотел спросить о природе падающих лиственниц. «Объясняю для любознательных и вновь прибывших на север»,- сказал Саша. - « В тундре — вечная мерзлота, и это проблема для корней, которые не достигают достаточной глубины, а отсюда и удерживающей хватки самого дерева. А потом ведь, ветра то, какие! Понятно объяснил? А теперь вперед!» И снова Юра оказался замыкающим на лыжне.

Слева, по ходу возвращающейся группы, показалось место бывшей веселящейся кампании. Но сейчас оно было тревожным. С краю утоптанной полянки сидел в одиночестве скорчившийся, плачущий парень. В стороне валялись лыжи. Кисти рук в перчатках судорожно обхватывали холодные носки ботинок. Подойдя к парню, Юра ахнул! Нос с крылышками влажных ноздрей был цветом степной ссохшейся кости. Увидев подошедшего к нему незнакомца, парень прогундел что-то про ноги, а то, что побелел нос. Не чувствовал. Он не пытался встать. Не просил о помощи. Юра почувствовал лёгкое смятение и растерянность. « Ясно, парня бросили, и ждут ли меня мои друзья?» - В душе качнулся тревожный холодок.

- Вставай. Тебя как звать?

- Не могу, ноги…

- У тебя нос скоро отвалится, лечить будем, - пришлось отстегнуть свои лыжи,- Подхватил парня, помогая ему подняться.

- Давай, делай наклоны. Кровь заработает. Спасёт твоё нос.

- Больно!

- Энергичнее! - Видя мало в этом пользы, спасатель схватил парня за загривок и почти насильно начал производить его туловищем наклоны. Через какое-то время нос приобрел сизый с красным отливом цвет. Такое зрелище он ещё не видел, и смотреть на такое возвращение к жизни носа не хотелось. Но, главное было достигнуто. «Пристёгивай лыжи, и пошли»,- прозвучал твердый голос. Но не прошли и ста метров, парень присел. И снова ноющий плач: «Брось меня, не могу». И тут, импровизированный спасатель, не на шутку растерявшись, засомневался. «Что делать? Идти за подмогой? Пристынет, и одежды никакой. Эх! А мои друганы уже к общаге, наверное, подходят»,- так рассуждал он сам с собой: «Ну, уж нет!»

И вдруг, накатила твёрдая уверенность и злость на на этого нытика.

- Вы пили!?

- Да … я немного.

- Зачем? - задал глупый вопрос Юра.

- Так отдыхали! Ну, и я тоже. Брось меня, - Вот где пригодилась рука и выносливость бывшего кузнечного молотобойца. Эти руки подхватили парня, поставили на ноги и взгромоздили себе на спину. Он тащил его на себе, пока держал наст лыжни. Вот правая лыжа ушла в пухляк. Чуть не упал. Это стало повторяться. Уже чувствовалось бессилие в ногах. На лёгком спуске, съезжая по лыжне, его ноги не выдержали провала лыжни. Падение было безболезненным, но досадным. Парень снова свое:

- Всё, не могу больше, ног не чувствую. Брось меня. Не пойду!

- Пойдешь! Вперед!- Глянув на сумеречное небо, юра почувствовал неуют и лёгкий страх. Тундра стелилась к ночному отдыху. Глядя на сидящего и никчемного парня, случайного напарника по несчастью, прорвало! Что-то рявкнув, он схватил нытика левой рукой за грудки, и как можно выразительнее поднёс свой кулак к его влажному лицу. И в вытаращенных глазах парня прочитались удивление и страх. И вот, на удивление, его будто подменили. Идёт и плачет. Сбросил лыжи и пешком по лыжне. А следом молодой северянин тащит его лыжи и подбадривает. «Кто бы меня подбодрил. Выходит, мы самые последние возвращаемся?» - Впереди показалась нитка газопровода. А за ней и серая графика появившейся окраины города. Правее лыжни за мелкими лиственницами просматривался плотный забор и КПП пограничников. «Давай за мной. Видишь, там пограничники! Они нам помогут»,- сходя с лыжни и придерживая парня, говорил попутчик. И встрепенулось тело страдальца. И расправились плечи.

Солдаты, не скрывая любопытства и желания помочь бедолаге, принесли оцинкованный тазик с холодной водой. Пальцы на ногах были белыми, и в воде были похожи на парафиновые окатыши. Парень уже не ныл, а только морщился от боли. И его лицо, несло новые черты, - черты покоя и уверенности. Приехала скорая. Врач осмотрела его ступни, качнула тонометром и сказала, что забирает его пообследовать. Спасённый взял у Юры адрес общежития, поблагодарил за помощь, обещал зайти и даже с подарком.

Уставший, с приятным ощущением в душе, Юра возвращался в полном одиночестве. Уличные фонари дружелюбно освещали незнакомые улицы, и наконец, показались те самые бастионы кирпичных домов с обширными дворами. Они приветливо перемигивались светлыми окнами, и уже совершенно не были мрачными. Пройдя их, Юра вышел к своему общежитию. Одинокий фонарь освещал арку в его двор, а с пятого этажа на неравнодушного молодого человека смотрело темное окно, за которым его никто не ждал.

Парня этого Юра больше не видел. А случай этот при случае рассказывает. Этот случай происходил в мае 1969 года.

Шкандрий Степан
г. Красноярска, инвалид 1 группы.
Лауреат многочисленных литературных фестивалей и конкурсов среди авторов-инвалидов, автор нескольких литературных сборников

Почему? Почему стал далеким мне город родной?
Почему? Почему стал пристанищем город чужой?
Почему не сидится мне здесь, на чужом берегу?
Почему Енисей и свой парк я забыть не могу?
Кто-то скажет: «Какая же разница в этих дверях?
Точно так же, как там, здесь птицы поют, на ветвях,
Точно так же на стыках трамваи стучат не спеша?»
Почему же тогда по родному тоскует душа?
Напиши! Напиши хоть небрежною чьей-то рукой!
Позови! Позови — я все брошу, приеду домой.
И в любимый проспект окунусь, о былом не скорбя.
Здравствуй, мой Красноярск, сколько лет я не видел тебя!

****

Три семёрки. Знак на карте. Ерунда.
Мост, два берега, дорога и вода.

Теплоход. Гудок прощальный. Дальше — Север!
Дверь открыта ниоткуда в никуда.
Три семерки. Сваи. Клёпки. Монолит.
Не стареет. Не ржавеет. Не скрипит.
Пост. Свисток. Проверка — и горит зелёный
Но душа тебя покинуть не спешит.
Три семёрки. Дунет ветром товарняк.
Самолёт махнёт крылом — полёт верняк!
И вожак, поднявши стаю диких уток,
С нежеланием расставаться крикнет: «Кряк!»
Три семёрки! Мне всегда на вас везло!
Совпаденье роковое всем назло…
Загадаю. Поцелую крест — и дальше…
И храни меня, счастливое число!

****

Мы идём вдоль речной косы… Наши души любви полны!
Мы в восторге от Бирюсы и от ласки её волны!
Нас Ракета уносит вдаль от причала, где был наш дом.
Жаль, что кончился фестиваль — нам так радостно было в нём!
Пели песни мы в унисон, лицедеи вели рассказ-
Этот праздник как дивный сон откровением стал для нас!
Парусиновый крыш узор иногда умывал закат.
Утром солнышка ясный взор снова радовал каждый взгляд.
Нас костёр согревал теплом под приветливый свет луны!
Мы учились владеть веслом и смеяться под звон струны.
Эй, байдарочка — не грусти — мы вернёмся в наш тихий стан!
И с тобой обновим пути, наш товарищ — катамаран!
И Женева нас будет ждать, сохранив ледяной покой!
Бирюса подставляет гладь бирюзовою полосой…

Шумный город. Чужая роль. Неприветливые голоса…
Ты в душе назови пароль тихим голосом: «Бирюса!»
И мохнатую вспомни ель, что махала тебе вослед-
И душа оживет, поверь! И любимый пошлёт привет!

****

Есть чудные места на шарике планеты.
Кто ищет — тот найдёт! Мой друг, не уставай!

У нас с тобой мечта — дойти до края света
И если повезёт — перешагнуть за край!
Как много нам дано и как мы мало знаем.
И в суете земной не видим рай.
Есть у души одно стремленье — чтоб б летая,
Хоть бы чуть-чуть задеть вселенский вечный край!
Послушай, как у ног о чём-то шепчет речка.
А в небе — погляди — искристый звездопад!
И множество дорог от самого крылечка -
Смелее друг иди искать со Светом лад!
Пусть горные хребты не испугают!
Пускай мороз и снег не ослабляют рук!
У финишной черты улыбка пусть встречает
И гордость из-под век любимых и подруг!
Пускай весло мечты судьбы поднимет днище!
Ты радостью встречай предутренний рассвет!
Ведь верим я и ты, что не напрасно ищем -
Что где-то ждёт нас край, край, за которым СВЕТ!

****

… а ведь я напишу, перепутав согласную гласной.
Нет, поверь — я не грустен сейчас, как всегда…
Просто я не хочу быть к тебе по судьбе бузучастным
И назойливо нужным я быть не хотел никогда.
Всё же я напишу… Представляю твоё удивление!
… И естественный выдох: « Да, ладно… В какие века?
Ты ведь был мне «никто», никогда не гласил предпочтенья,
Честью не рисковал, несмотря ни на «кто», ни на «как»?
Но, я всё же пи шу! Да, к тебе, однокласснику — другу!
Потому что мы оба всё там, в тех годах, память чья не умрёт!
Потому что нам дорого то, что легко, без натуги
Вспоминаем с любовью, вспоминаем внучат, отправляя в поёт!
В наши годы мы круто с тобой никогда не дружили.
Но, мы были «ОДНО» и мы счастливы были одним -
Тем улыбкам навстречу, тем взглядам, доселе хранимым
И той верностью, нам обещавшей надежду «Любим»…
Я хотел написать…

****

Навстречу нам насупленный карниз
Он острый угол выставил, как штык.
Расщелина для нас как главный приз.
Идем на «Вы». Контакт почти впритык.
У очередной «подарок» высоты -
«Бараний лоб» как зеркало блестит.
И ни одной ни ямки, ни черты,
И ни одной ошибки не простит.
Что ж, потолкуем! Не до «извини» -
Внизу за нас никто не даст и грош…
Мы атакуем гибкостью змеи
И цепкостью резиновых галош.
Где север, юг? А черт их разберёт.
Неважно, на какой ты стороне.
Надёжен крюк, и он не подведет
Нас в этой необъявленной войне.
Как в горле кость — базальтовый рельеф
Выкидывает нам за фарсом фарс.
Неистовость его преодолев.
Взял высоту последний «снежный барс».
И только здесь, на ледяной скале
Расслабленно мы сможем постоять!
И в нашу честь, как на парад «алле»
Ранжиров пики снегом заблестит.

****

Как зовут тебя, белая птица.
Дух пернатый хакасской степи?
Ты моё появленье прости,
Любопытство моё на ресницах.
Как зовут тебя, белая песня?
Ты легка, как куплета строка.
Ты, как счастье — всегда далека,
Как мечта — ты всегда в поднебесье.
Как понять тебя, птица ночная,
Неизбежность несущая в сны-
Толь предвестником близкой весны,
Толи зиму душе навевая?
Что несёшь ты полётом своим -
На другую судьбу установку,

Или может конец, остановку
Всем мечтаньям и думам моим?
Объявись на заснеженных скалах,
Обмахни меня белым крылом
И неважно, что будет потом -
Лишь бы нам оставаться в началах.
И встряхнув седину на одеждах
В поднебесье обоим парить -
Мне — любовь свою людям дарить,
А тебе — светлый лучик надежды!

****

«Дождь в дорогу — хороший знак» - старая примета геологов! Наше путешествие началось под проливным дождем, которого давно уже ожидала изнывающая от сухости земля. Да и нам, городским жителям, уже невмоготу становилось от пышущих тепловой отдачей бетонных многоэтажек, а для некоторых «невыходящих», замкнутых в узких углах душных комнат, поездка с апиновцами на Ману и трехдневный сплав до Берети стали настоящим раем. Дождь был сильным, но недолгим, и через полчаса ласковое утреннее солнышко нежно грело подставленные спины, а лёгкий ветерок трепал мокрый шатер, натянутый над плотом. Валера с Ириной — наши инструкторы, стояли на рулевых веслах, умело направляя наш «лайнер» на нужные повороты, а мы «ходячие» начали потихоньку осваивать кормчие премудрости. Мана вроде бы тихая река — да не зевай — и на мель можешь сесть, и на торчащий топляк напороться камерой, и висящая горизонтально низко над водой берёзина зацепит шатёр, крутанёт плот вверх тормашками — а у нас на борту «большая половина» - неплавающих… Ну, да слава Богу — за весь круиз ни одна из этих страшилок нам нервы не потрепала, и самым страшным испытанием была мошка — но тут уже ничего не поделаешь — это «крещение» проходят все гости Маны.

Ветеранам — апиновцам не привыкать: уже пятый год поездки по Красноярью закаляют их выдержку: тут и паломнические поездки в Лесосибирск и Большую Мурту, духовный семинар на Мане, познавательные посещения «Роева Ручья» и «канатки», выезды к кордону «Столбов» - далеко не полный перечень испытаний, которые и здоровому-то не каждому удается пройти, а уж для наших инвалидов — предмет гордости силой своего духа и выносливостью тела.

Постепенно ажиотаж первых часов плавания поутих, и наш дружный экипаж, распределив обязанности, принялся за обычные туристические дела: кто половчее и поздоровее — несли вахту на рулевых вёслах, работая иногда по двое, когда излучина попадалась уж слишком крутая и одному не выгрести. Кто помогал нашим поварам : чистил овощи, открывал нужные банки, мыл посуду. Кто занимался

детьми: с нами шли четверо малолетних покорителей сибирских рек — весёлый скажу я вам народ — не соскучишься. Кто усиленно тратил фотоплёнку, ибо каждый поворот Маны открывает всё новые и новые чудесные уголки матушки Природы. Но все старались не упустить ни одного слова Валеры -отличного знатока манских историй и анекдотов и умелого лоцмана. На швартовке он всегда первым прыгал в воду, останавливая и привязывая плот , и последним, подтянувшись, залезал на плот, придав ему начальную скорость. Он и его супруга Ирина постоянно помогали нам во всём, учили нас (неумех) как быстро раскинуть платки, развести костёр в сырую погоду, из каких трав запарить вкусный, душистый чай. Они помогали нам спускать на берег и поднимать на плот наших неходящих инвалидов, варили на ходу на мангале еду для всех и постоянно опекали нас от наших ошибок.

Практически все поездки апиновцев имеют в себе духовную подоплёку. И не важно, стоишь ли ты возле амвона храма, слушая проповедь, или любуешься со скамьи на плоту живописной речной заводью — каждый момент у тебя есть возможность увидеть, услышать и почувствовать на себе величие творений Господа, прикоснуться к ним и умом и душой, радоваться, постигая, всему сущему. Во многом нас учит этому наш духовный окормитель, руководитель клуба «Верую» отец Владимир. И даже здесь, на сплаве, он не оставил нас своим попечительством: всей семьёй с супругой и двумя детишками прошел с нами весь путь, уверенно переводя наши мирские разговоры на темы более возвышенные, более тонкие, а стало быть — более интересные. Прекрасные знания теологии, истории, умение чувствовать и реагиовать на людские проблемы легко позволяют ему держать на себе наше внимание и отвечать на наши, порой нелёгкие вопросы. Вот так мы всегда совмещаем отдых с православным учением, с накоплением нашего творческого потенциала для дальнейшей нелёгкой жизни.

… А наш цветной шатёр несёт нас все дальше и дальше, и причудливые скалы приветствуют нас, то склонив в полуреверансе лесную красавицу — ёлку, то неожиданно улыбнувшись маленькой пещеркой, то погладив резкой тенью парящего в небе над нами кулика. На больших реках, где ширь и мощь, такого не познаешь, а вот здесь, на Мане, вдруг защемит сердечко, повлажнеют глаза и душа шепнёт тебе: « Это и есть твоя Родина, твоя Сибирь...» И не по шумным заводам, не по многолюдным проспектам растущих мегаполисов узнаётся она, а вот по таким таёжным речкам, загадочным скалам, да по богатырю кедру с кучей шишек на ветвях.

… На второй стоянке была баня. Это, по-моему, типично манское явление. Жар от раскалённых камней под пологом накинутого на стойки брезента редко кто выдерживает более 10 минут и … нажаренные тела с мужским уханьем потревоженного филина и женским визгом дерущихся кошек с плеском бухаются в нежную волну Маны, и она, как ласковая мать, окатывает своих детей прохладой и негой. И если ты не парился по-мански — ты ничего там не понял.

А потом были стихи. На Мане этим никого не удивишь: здесь каждый второй ии поэт, или бард, или хороший рассказчик — юморист. Недаром Мана Собирает на своих островах многочисленных любителей поэзии и песни.

Темы манских фестивалей бывают разные, но объединяет участников одно — крепкая дружба и любовь к прекрасному.

Степана слушали внимательно — и что его порадовало — даже задали несколько вопросов. Значит — не зря читал — интерес среди апиновцев к этому жанру ещё живёт.

Наша певунья Светлана Карпова — солистка народного хора Советского ВОИ — своим сильным голосом спела несколько любимых всеми песен, а мы, собравшись вокруг костра, как могли, подпевали ей.

Ночью спали не все. Сопровождающий Александра Черных его сын Илья. Напрасно пытавшийся два дня на ходу поймать на спиннинг хоть что-нибудь (ну, не везло и всё) не смыкал глаз. На байдарке (на всякий случай она на чалке плыла у нашего левого борта и была предметом яростного вожделения наших мальчишек: « Ну, дядя Валера, ну, тётя Ира, ну, прокатите ещё раз, а!») он нашел, наконец тихую струю и … наутро весь обкусанный мошкой, с заплывшими веками и увеличенными в размерах ушами счастливейший Илья с гордостью положил на стол два щуренка грамм по шестьсот. Он всё-таки сделал это — уха нам всем была обеспечена!

Береть! Небольшая деревушка с очень удобным, длинным и пологим спуском к реке — последний пункт нашего рейса. В 17 часов, кое-как найдя место, мы пристали к берегу. Пока приставали, я насчитал 8 плотов, готовящихся к отплытию. А сколько ушло с утра? Более двух с половиной тысяч отдыхающих за выходные дни проходят от Берети до Усть-Маны. И это — официальная статистика. А сколько неучтённых? Добрая наша хозяюшка — речка, как много у тебя работы.

… Она плакала! Она редко плакала, хотя мы знали (и многие по себе) как больно нести на непослушных ногах ещё более непослушное тело, даже если тебя поддерживают с двух сторон. Но в такие моменты мы не слышали от неё даже стонов. Уже перенесли на берег Женю Александрова с его коляской, уже перетащили плохо ходящего Дементьева Володю, уже сгрузили рюкзаки, сумки и костыли, а она сидела с мамой на скамье у борта, низко наклонив и так почти всегда опущенную голову и плакала. Беззвучно. Только часто-часто мелко подрагивали плечи под маминой рукой. Мы, «ходячие», радостно сновали от борта к берегу и обратно, перенося кладь, перекидываясь шутками-прибаутками, и никто из нас не замечал, что этому маленькому человеку плохо, что она плачет. Молчала и её мать, Светлана, печально глядя перед собой в воду и ожидая, когда, после вещей мы перенесём и её дочь на берег. И вот тут Валерий снова поразил меня. Он заметил!!! Один из всех он заметил дрожащие её плечи и прямо по воде, подойдя к скамейке, наклонившись, тихо спросил её о чем-то. Она также тихо, не поднимая головы, произнесла несколько фраз. Ошалевший от неожиданности Валера почти минуту

стоял перед ней, а потом, громко рассмеявшись, сказал: «Это мы сейчас исправим!» Аккуратно взяв её на руки, он осторожно обошел плот и, зайдя по пояс в русло, так же бережно опустил её в тёплую манскую воду. Быть на Мане и не побывать в ней — что может быть обиднее. Уже на берегу, упрямо высоко держа голову, она обвела нас своими чистыми глазами, и уже другие слёзы катились по её щекам. Не плачь, Саша! На следующее лето ты снова будешь здесь, здесь — на Мане, где каждый человек рано или поздно познает и Доброту, и Любовь, и Веру!

Ехомова Ольга
п. Курагино

К юбилею Красноярского края

Край мой сибирский, край мой суровый,
Край знаменитый тайгою кедровой,
Где величаво течет Енисей…
Сегодня справляешь ты свой юбилей.
Ермак здесь когда-то стругами правил,
Добрую память он краю оставил,
Здесь Хворостовский и рос и мужал,
Короткий свой век край родной воспевал.
Суриков здесь родился и жил,
Родину в сердце храня, он творил.
Отроги Саян возносясь над Землей,
Века охраняют край мой родной.

Марш инвалидов

Несутся годы, вдаль стремясь
И ослабляют с жизнью связь.
Так было, так и будет.
Но мужество в крови у нас,
Мы боремся за каждый час.
И кто за это нас осудит.

Жизнь нелегко даётся нам,
Мы воли не даем слезам
Лишь потому, что жизнь мы любим.
Нет никакой н нас вины,
Живём надеждами полны

И счастливы мы будем!

Коль ты болен, не робей,
У нас всё так, как у людей:
И дети, и любовь, и дом.
У нас хорошие друзья,
Ведь без друзей никак нельзя,
А мы среди людей живём.

Не делает ещё недуг
Людей другими как-то вдруг.
Не нужно мучиться тоской…
Жизнь беспощадна к слабакам
И много силы нужно нам
И это право за тобой и за мной.

Воспоминание ветерана

Наш батальон на запад шел…
К утру приказ нам — окопаться,
Не худо б, замаскироваться…
О, труд пехоты, ты тяжел!

И посуровели вдруг лица,
Противник сильно укреплён,
А впереди наш батальон,
Разведкой вражеских позиций.

Такое принято решение,
Но мы не знали всё про нас,
Что ставкой отдан был приказ
Начать большое наступление.

Огонь прицельный! Нас несло…
Разрывы мин по наши души…
И вдруг ударили «Катюши»,
Всё враз в движение пришло!

И сквозь огонь, сквозь этот ад
Мы все смотрели в лицо смерти…
Ушел тогда прямо в бессмертье

Каждый из нас второй солдат.

Не дошёл до мест родных
Мой украинский друг Микола,
Когда мир бомбой был расколот
На павших, раненых, живых…

И век бы этого не знать!
Бессмертие вечно и не внемлет,
Что на Миколы ридну землю
Снаряды сыплются опять.

Что чёрной свастики кресты
Пророчат новые утраты.
Горит земля, горят мосты,
Пылают Украины хаты.

Микола, спутник дней лихих-
Отрава черная не вечна…
А подвиг наш увековечен
А павшие в строю живых.

О, мои юные друзья!
Да не коснись воны вас скверна,
Цена Победы непомерна,
И забывать о том нельзя.

В сугробы солнце окунулось,
Ручьи подали голоса…
И сила вечная проснулась
Из дрёмы, вызволив леса.

Люблю любое время года,
Пишу стихи и в дождь, и в зной…
Всегда мне в спутники природа,
Как музыка, в душе со мной.

Люблю, когда цветут сады,
Люблю, когда убор осенний…
И вспоминаю, как Есенин

Любил осенние дожди.

Боготворил и Пушкин осень,
Любил природу нежно Фет,
Лишь луч скользнёт сквозь неба просинь,
Берется за перо поэт.

Кто где родился, там и пригодился,
В кто уехал — Бог тому судья…
В какой дали душой ты не томился,
Бывает, что зовет к себе земля.
Дурная у богатых нынче мода,
И я о том душой своей скорблю,
Живут они без памяти и рода,
Да ещё хают родину свою.

Живется в заграничных им хоромах
И в сытости, и в неге, и тепле…
Не вспоминая о траве у дома,
И не тоскуя о своей земле.

Неблагодарных много наберется,
Но и чужбина — не родная мать.
А нам вот дар писать стихи дается,
Чтоб землю, где родился, воспевать.

Живем мы трудно, но мы стержень мира,
Несём всю тяжесть на своих плечах…
Звучи мощней и звучней наша лира,
Да не иссякнет свет в наших стихах.

Признание наше, делать мир светлее,
Дарить тепло и веру вновь и вновь…
Нет ничего земли своей роднее,
Священней нет, чем в Родине любовь!

Полустанок

Полыхает, полыхает второй год война…
А в неброский полустанок вновь пришла весна.
Есть хозяйка полустанка, совсем молода,
Ведь мужчин-то подчистую забрала беда.

Её привычен полустанок, всё обычно тут,
На горе за полустанком, ландыши цветут.
Поезда кричат свистками, мчатся без огней…
Иногда бывает страшно… На войне страшней!

В этот раз — с Урала проезд — танки, экипажи…
И от этой грозной силы в дрожь бросало даже.
По каким-то там причинам, видно, что важны,
Поезд встал. И разрешили всем часок весны.

Он спустился с горушки, словно кто позвал,
И хозяйки полустанка ландыши подал.
Паренек-то чуть постарше — я в детдоме рос…
И таких ещё не видел я прекрасных кос!
Как увидел, враз влюбился, буду ли живой,
Обязательно вернусь я строить дом с тобой.
А зовут меня Алеша, как тебя найти?
- Село Белая Мороша, хочешь — навести…

А, меня зовут Любаша, Пермякова я,
И в поселке проживает вся моя семья.
-Обязательно вернусь я, коль буду живой,
И на этом полустанке встретимся с тобой!

Но, увы. Пришла Победа, Люба всё ждала…
И на каждый день Победы ландыши несла.
Где-то, где-то в чистом поле, танк легко подбить…
На войне солдат не волен, могут и убить.

Всем давно уже понятно, где-то погиб герой,
И зовётся полустанок Лешиной горой.
И все также на пригорке ландыши весной,
И сердца двоих влюбленных, сгубленных войной.

Горе Любы не затихло, хоть построен дом…

Было тяжко, было трудно позабыть о нем.
Годы, годы, годы, годы, и ушла в свой срок,
За Алешей своим следом. Жизни срок истёк.

Но, людская память помнит, словно он живой…
До сих пор зовут пригорок Лешиной горой.

Земля моя

За всех я не скажу, а за себя отвечу,
Что мне в родном краю приятней вечер.
Что ярче все цветы родного края,
Другой земли не надо мне, не надо рая.

Всегда приятней мне дорога к дому,
И не стремлюсь к порогу я другому.
Лучи над крышей дома благодатней,
Улыбки встречных всех куда приятней.

Судьба родиться здесь — не где придется,
Отечеством моим ещё зовется.
Любовь к родной земле будь дольше века,
Будь талисманом на пути у человека.

За всех я не скажу, сердца других пытая,
Но для меня земля моя всегда святая!

Весна

Благослови, Господь, весною
Хмельным от солнца ветерком…
И сливой в праздничном наряде,
Что под моим растет окном.

Благослови, Господь, весною
Весенней радужной зарёй…
И звонкой трепетной капелью,
И птичьи пеньем над землей.

Благослови, Господь, весною
Ковром весенним на лугу…
Благослови, Господь, весною
Я все опять перемогу!

Всегда весна душе отрада…
Душа, весенний свет лови…
Благослови, Господь, весною
И жаждой к жизни и любви!

Поздняя любовь

Поздняя любовь, как поздние цветы…
Прощальной тепло, остатки красоты.
В где-то впереди закатная заря,
Но всё, что жизнь дает, дает она не зря.

Но, если уж пришла, ты ей доверься вновь,
Пусть запоздалая, но всё равно любовь.
Пусть на единый миг, пусть на короткий срок,
Но вновь душа поет, и вновь не одинок.

Нам поздняя любовь, желанная или нет,
Но радует сердца и уменьшает лет.
Прими, как дар судьбы, как звон колоколов…
Пусть запоздалая, но всё равно любовь.

Кора Екатерина
г. Красноярск

Лето в Сибири

А в Сибири нынче, как на Бали,
Давно такого лета не видали:
Нет дождей, и солнце задержалось,
Здешнею природой наслаждалось-
Солнцу полюбились наши дали.

Солнцу Енисею не комфортно
Воды гнать на север беззаботно,
Измельчал он, берега крутые

Ждут от неба струи дождевые,
Чтоб напиться влагою вольготно.

Вся природа в грусти ждёт ответа.
Наводнение за границей где-то,
Залито дождями пол-Европы,
Где-то снег образовал сугробы.
А Сибирь вся солнышком согрета.
Вот какое нынче у нас лето!

От истока

Зарифмую на белых листах
Без шифровки — обычным текстом,
Дорогие сердечку места
Лучезарного царства детства.

В неизвестность вела до поры
Цепь доро у села родного -
Крутояр, что стоит у горы
В окружении жнивья золотого.

Ценность времени — люди села
Со степенной улыбкой в лицах,
От зари до глухого темна
Успевающие трудиться.

Через годы местам поклонюсь,
Где моё отзвенело детство.
Теплотой ностальгической грусть
От истока позволит согреться.

С романтикой

Судьбу благодарю за летний день,
За небо, что у нас над головой;
За лодку на реке, где нам с тобой
В глубинах вод мерещится таймень.

Романтика здесь с нами налегке,
Она не станет нынче третьей лишней.

Смотри, мой друг,
в каких нарядах пышных
Деревья направляются к реке!

Извилиста река, а берегами
Наполнены таёжными дарами.
На много вёрст — сибирская тайга,
И мы её становимся гостями.

Причалим лодку к берегу. Вокруг
так много глазу, сердцу удивленья.
Горит костер, а я ловлю мгновенья -
Ты рядом, и я счастлива, мой друг!

Сибирячка

Двух народов братских половинки
Плещутся с рождения в крови.
Кто я? Русская иль украинка?
Сибирячка! Корни здесь мои.

Сибирячка в третьем поколении.
Так случилось, так произошло,
Что Столыпина аграрные решения
Привели славян в одно село.

Украинцам, белорусам, русским
Там не тесно было вместе жить.
Улочки им не казались узкими,
Где соединялась судеб нить.

В жёны взял хохол себе кацапку -
Краше, домовитей не сыскать.
Шесть десятков лет тянули лямку
Жизни обоюдной. Нарожать

Постарались детушек красивых.
Первенца Владимир нарекли,
Младших: Катериной и Василием.
Имена напевны и легки.

Двух народов братских половины
Плещутся у детушек в крови:
Русского и братской Украины.
Никому чтоб не было обидно,
Назовите их «Сибиряки».

Шестакова Нина, с. Идринское
Идринский район

Мой край родной

Я — Идринской земли моей росточек.
Я — дочка простодушного села.
Одна из многих сыновей и дочек,
Кому земля родная жизнь дала.

Мне дороги земли моей красоты.
Даль синяя, одетая в хвою.
И телекские степи и высоты,
И зелень ив, растущих по ручью.

Когда вдали от дома я бываю.
В душе своей несу разлуки груз,
Родной Сыды я голос вспоминаю,
Её воды неповторимый вкус.

Я вспоминаю наших гор названия:
Горбы Ишо, Лутага вышину,
И Камня Красного закатное сиянье,
Скалу Тигея, Кортуза волну.

Березок рощи, пахнущие прелью,
Лесных стрекоз поющие смычки
И, завороженные птичьей трелью,
Склоненные талины у реки.

Я вспоминаю земляков — соседей,
Друзей, знакомых — всю свою родню,
Простые задушевные беседы
И «здравствуйте» сто раз на дню.

И наполняется душа моя тоскою.
И манит родина, зовёт меня домой.
Мой край родной, я счастлива с тобою
И родины не надо мне дугой.

Моя родина

Склонились в забытьи над речкою талины.
Уснуло солнце в золоте ветвей.
И три горы — три великана-исполина-
Картины малой родины моей.

Я помню домик у реки старинный,
Румянец утра над речной волной
И умывальник бабушкин из глины
С прохладною Сыдинскою водой.

Скворечник на жердине тонкой, длинной,
Подсолнуховый, желтый огород
И садик в диких зарослях малины,
И низкую скамейку у ворот.

В том старом, светлом доме над рекою
Любили слушать песни старины.
Их пел мой дед с баяном в строе,
Волнуя душу мне до глубины.

Я и сейчас, сквозь время, баритон тот слышу
И старенький баян в блестящих бляхах
У деда на коленях ясно вижу.
А дед поет про Дуню-тонкопряху.

И мы, внучата, стайкой на полатях
Вторим дружно деду звонким эхом.
Баба Аня с пряжей на кровати
Одобряет нас негромким смехом.

Год за годом по реке уплыло время,
Долину детства изменили годы,
И правит улицей другое племя,

И песни дедушки ушли из моды.

И только над рекой уснувшие талины
Все также в воду золото роняют,
Все то же солнце светит над долиной,
Но бабушки другие сказки сочиняют.

Моё село

Домики старинные,
Окраины в пыли.
Саян отроги длинные
Тянутся вдали.
По долине чистой,
Укрытая талинами,
Лентой серебристой
Вьется речка длинная.
Улицы вдоль речки,
Над крышами дымки,
Булки в русской печке,
Не в чести замки.
Здесь с друзьями давними
Бегали в пыли…
Дом с резными ставнями
Остался в той дали.
В селе, любимом с детства,
Живет простой народ.
Родня вся по соседству
И общий огород.
В дом любой войдёте,
В час ночной тиши.
Кров и хлеб найдете,
Отдых для души.
Домики старинные,
Все меньше, меньше вас,
Кирпичные, картинные
Встают дома у нас.
Село лицо меняет,
Становясь всё краше.
А сердце так скучает
По Идре старой нашей.

Вечер

Проскакало солнышко по крышам,
Делая зарядку перед сном.
И скатилось с крыши в свою нишу -
В свой загоризонтный дом.

Из оконца помахало лучиком,
Позолотой землю окропив.
Навело румяна серым тучкам
И заснуло, ставенки закрыв.

Колыбельная

Легкой поступью дом, не спеша, входит ночь.
Засыпай, мой малыш, засыпай.
Вновь закончился день, быстро мчит время прочь.
Ты расти, мой сыночек, баю-бай.

Ночь по дому прошла и зависла в окне,
Смотрят звездочки молча с небес.
Я спою тебе, милый, в ночной тишине
Свою песню про сказочный лес.

Все уснули уже в том волшебном лесу,
Спи и ты, мой родной, засыпай.
Спят бельчата в дупле и зайчата внизу
Под кусточками, баюшки-бай.

Пусть приснится тебе этот сказочный лес,
Добрый, тихий, зеленый уют,
Где березы и сосны растут до небес,
Колыбельные песни поют.

Добрым, смелым, сыночек, расти-вырастай,
Сказкой доброй пусть сложится жизнь.
А пока, моё солнышко, баюшки-бай,
Завтра резвым, веселым проснись.

Поздний концерт

Сплетались ветками березы,

Шептались, наклонившись вниз
И капали дождинок слезы
Я пела «Манжерок» на «бис».

И стоя на дощатой сцене,
Искала милые глаза,
Что в них и как меня оценят?
Я волновалась и ждала.

Трепал мне челку свежий ветер,
В открытых окнах сад темнел
И был дождливый поздний вечер
И музыкой концерт гремел.

Кричали: «Браво» - на балконе
И долго хлопал полный зал…
В ряду последнем на ладони
Мой милый сладко-сладко спал.

Лаукс Сергей
г. Минусинск

Много в мире городов
Бог для жизни создал,
И каждому свою судьбу
Он им на вечно отдал.

Какой крупнее городок,
В нем жителей побольше,
Да и судьбы его клубок
Уж намотался толще.

Наш Минусинск возьмем в пример,
Он в городах ребенок,
Ещё два века не прожил-
Поэтому так тонок.

Трамвай, троллейбус иль метро
В нем жители не знают,
Такси с автобусом легко
Здесь по городу гоняют.

Но люди любят город свой
Как могут украшают,
Он многим жителям родной
Те с детства его знают.

Весь архив города хранят,
Где жизнь его ложится,
Искусство разное ведут
Никто не наглядится.

По праздникам концерт дают,
Вся публика довольна,
И так спектакль создают
Душа в нем рвется вольно.

Чтоб Богу и его святым
Народу поклониться,
В Спасский собор люди идут
Пред иконами молиться.

В день помидора
Покрупней томаты вырастают,
Те, кто крупнее создают
В тот праздник побеждают.

Мартьянов подарил музей,
Что по сей день открытый,
И за такую доброту
Он нами не забытый.

Ну, как такое не любить
И отвергнуть очами,
Ведь многое -же видим мы,
Что интересно нами.

Левченко София
г. Канск

О крае

Я край воспеваю, в котором живу,
В Сибири сторона моя родная,
В сибирских речках прелесть нахожу,
Люблю тебя от края и до края.

В восторг приводят русские березы,
Спасибо кедрам вековым я говорю,
А в чувства приводят нас морозы,
Четыре чуда света боготворю.

Столбы, Роев ручей и ГЭС, и море
Известность краю нашему дают.
Богатство в людях: отзовутся в горе,
Песни русские красиво здесь поют.

И все равно за всем за этим люди.
Много достижений в вечной борьбе.
Все говорят, что за границей лучше -
Край Красноярский, верна я лишь тебе.

Зезюля Зоя
г. Назарово

Россия

Люблю тебя моя Россия!
Люблю твои снега глубокие,
Люблю твои поля широкие,
Люблю за то, что небо чистое!
Народ люблю я твой прекрасный
С душою чистой и отважной.
Широкая Россия необъятная
Великая Россия непонятная!
Но это всё же моя Россия
И дружбою великой она сильна.
А в трудный час сплоченною всегда была!

И твердой будет моя Россия на все века.
Великая моя Россия всегда мне будет дорога.
Я не предам свою Россию никогда!
Ведь для меня она как мать родная.
Она всегда накормит, напоит,
На добрые, великие дела благословит!
И в трудный час меня не оттолкнет,
А руку твердую и сильную подставит.
По жизни смело и отважно проведет!
За это и люблю свою Россию я
И преданной ей буду до конца!
Любовь к Сибири

Сибирь моя! И край родной!
На веки буду я всегда с тобой!
Тебя люблю я всей душой
И до конца лишь жизни буду я с тобой!
А кто мне скажет: «Что Сибирь моя не величава!?»
Что и снега в моем краю бывают не глубокие,
Да и поля совсем здесь не широкие,
Кто в эту сказку лживую поверит?
А край родной мой такой великий, необъятный,
Что лишь с птичьего полета его мы можем разглядеть!
Широкие поля, могучие леса мы можем с высоты разглядеть!
И лишь тогда поймем всю широту и величавость
Моего великого, родного красивейшего края.
Ты посмотри, какие реки здесь бегут глубоководные!
Поля бывают здесь широкие, что взглядом не объять.
Ну, а леса у нас в Сибири такие густые и огромные,
Что заблудиться можно в них, как в ваших городах.
И нет нигде моей Сибири да края краше
Хоть шар земной ты обойди кругом
Найти попробуй величавей, да и краше края нашего
Чем Родина моя, мой край родной с названием Сибирь!
И я горда лишь только тем, что рождена была в Сибири!
А я люблю свою Сибирь могучую и край велики свой!
Я буду предана всегда своему милому, родному краю.
Да и гордиться буду я лишь только тем,
Что я живу и буду жить в своей родной Сибири!
А край родной в своем лишь сердце пламенной ношу всегда!

Литвинова Любовь
г. Красноярск

Сны о Таймыре

Таймыр мне снится до сих пор,
Он — край пурги, он — край озёр.
Там много-много шумных рек,
Где не бывает человек.
Он — край земли и тундры край,
Где птицам и оленям — рай!
Всё лето — мокрый снег, дожди…
Зимою солнышка не жди.
Спешат туманы майских грёз
В долины карликов-берез.
Сверкают горы изо льда,
И льется чистая вода!
О, тундра — дикая природа!
А ночь полярная — полгода
В зелёных сполохах огня.
Всё, как всегда … но без меня!
Страна любимая моя!
Как по тебе скучаю я!
Таймыр мне снится до сих пор -
Волшебный мир богатых гор.

Белый мишка

Солнце — яркий апельсин,
Не растопит жирных льдин.
Ветер снег трамбует ловко —
Не утеряна сноровка.
Здесь промёрзло всё до дна,
Ведь зима. Но жизнь видна,
И течёт она спокойно.
Белый мишка на виду
Кувыркается во льду,
Чистит жёлтую манишку
Озорник смешной, мальчишка!
Зубы, когти и клыки
Отточил он, как штыки.
Скоро в свадебную пору

Для двоих отстроит нору.

Снежная баня

Куропатки загрустили:
Чем помыть перо и пух?
Мыло «Детское» забыли,
Солнечный костёр затух…
А потом повеселели -
Будем снегом спинки мыть!
Чисто крылья заблестели!
«Снежной бани» не забыть!

Чум

Чум — жилище у долган,
Энцев, ненцев, нганасан,
В чуме чисто и тепло
Всем ветрам, снегам назло.

Старик февраль

Стынь и стужа, да позёмка
Тундру сонную метёт…
Острый посох да котомка -
К нам старик Февраль идёт.
Тундра, белая пустыня,
По указу Февраля
Вьюга вожжи отпустила-
Вскачь летит! Гудит земля!

Ледокол

Лёд крушил, ломал, колол
Работяга-ледокол,
Прокричал, что было сил:
«Я дорогу проторил!
Облегчил я кораблям
Путь по северным морям!»
И идут на край земли
Через море корабли.

Мой дядя

Любит дядя мой рыбачить.
А на деле это значит:
Чтобы наловить тайменей,
Запрягает он оленей.
Мчит по тундре к водоёму,
Что лежит поближе к дому.
Тундровая в неё закалка,
Сила, ловкость и смекалка!
Рыбка ловится, как в сказке,
К вечеру полны салазки!
Дома ждут его родные,
Ждут собаки ездовые.
Чум полнёхонек народа,
Не страшна в нём непогода!
Есть чем дяде похвалиться,
С кем уловом поделиться!

Тюлень

В движенье вечном горы льда
Перемещаются в пространстве.
Определяет жизнь вода -
Сам океан в непостоянстве.
Здесь полюс холода и льда.
Торосы, белые торосы…
И солнце только иногда
Распустит золотые косы.
Тюлень-белёк ежит один-
Убили маму злые люди.
На Крайнем Севере, средь льдин
Какой судьба бедняги будет?

Встреча

По северной тундре Морошка
Пошла как-то утром гулять.
Беда! Подвернулась вдруг ножка-
Присела под куст отдыхать.
А солнце весь день припекает,
Пришлось даже спрятаться в тень,

Лежит на траве и мечтает…
И тут подошёл к ней Олень.
Про жизнь рассказал он Морошке.
Она улыбнулась в ответ:
- Поешь-ка листочков немножко
И ягод моих на обед!

Таймыр

Снятся мне твои просторы.
Рек бесчисленных узоры.
Тундры летней переливы.
Моря Карского заливы.
А глазастые озера!
Мне забудутся не скоро!
Птичий гомон всех базаров,
Разноцветие казарок!
Утки, гуси, радость чаек -
Так Таймыр гостей встречает.
А зима здесь долго длиться -
Это Арктики граница!
Здесь морошка и брусника,
Ревень, маки, голубика!
И грибные косогоры
Грибников ласкают взоры!
Стадо тучное оленей,
Осетры, чиры, таймени…
Есть медведи, рысь, волчата.
Вот какой Таймыр богатый!

Никитина Галина
г. Красноярск

Обновление

Месяц звезды собирает.
Он в считалочки играет.
Насчитал тысячелетие
Уж второе, начал третье.

Век калачиком свернулся

И назад не обернулся,
Так как знает: что неплохо
Потрудился для Эпохи.

А Медведица с Плеядами
Выразительными взглядами
Изумленно вопрошает:
«Что всё это означает?»

Вальс танцуют метеоры,
Распевают звезды хором,
Им Пульсары помогают,
В такт под музыку мигают.

А планета чего ради
Все в сверкающем наряде?
Почему земля сегодня
Словно шарик новогодний?

Это просто объясняется:
На земле все обновляется.
Рады этому планеты.
В мире станет больше света.

Ну, тогда мешать не будем,
И поможем лучше людям:
Небеса протрем почище
От космической пылищи,

Пожелаем всем землянам,
Чтобы поздно или рано
Мир высокий люди сами
Создавали с Небесами.

Танцзы

Наш мир дуален то есть двойственен
И это, право, неспроста.
То люди бесятся от злости,
То побеждает доброта.

Есть день и ночь.Зима и лето.

Есть верх и низ. Есть нет и да.
Продолжить спи сок сей при этом
 Сумеет каждый без труда.

Вот на бамбуковой салфетке
Чудесный знак изображён.
«ТАНЦЗЫ» назвали его предки,
Китайский символ и закон,

Гласит который: два Начала-
Взаимодействие Инь-Ян.
Ведь по-восточному звучало,
Что это принцип Бытия.

Но в жизни бытовой, привычной
Усвоить надо за свой век,
Что всё в природе гармонично,
А хаос вносит человек.

Вот эту истину простую
Понять нам в жизни суждено,
Что в мире зла не существует-
Несовершенство лишь одно.

Гармонию Инь-Ян отменно
Мы соблюдать всегда должны
И помнить надо непременно
Что эти принципы верны.

Подруге

Легка и подвижна, изящна, стройна.
В моём окруженьи такая одна.
Я вижу тебя ветерка дуновеньем.
Ты — вечный двигатель и устремленье.
Ты в поиске трудном, ты в звёздном пути
Задача твоя- половинку найти.
Единомышленник был бы он твой,
И ты обрела бы душевный покой.
Шагали бы вместе в потоке людей,
Отдали бы всё ради высших идей,
Создали бы вместе сверхпрочную нить,

Чтоб Дух и Материю объединить.
Задача сия так сложна, так трудна!
Ты справишься с ней! Ты уже не одна.

Молодому специалисту

Ты — на бумаге чистый лист.
Ты-молодой специалист.
Начертано тебе судьбой
Вести по жизни за собой
Детей. Сердца и души ребятни
Без лишних слов, без суетни,
Вести к прекрасному. К добру
Сквозь ночь, как Данко и к труду,
Отдав и сердце и любовь,
В себе почувствовать вдруг вновь
Полёт души! Так поспеши
свой долг исполнить. А пока…
Прольется слёз твоих река
И от отчаяния… когда,
Не будешь знать, куда,
Бежать от наших сорванцов,
Но… не сбежишь, в конце концов!
Если на правильном пути,
То тебе некуда идти
И выбор твой — с детьми расти!

Разговор с папой

Мне сказал однажды папа:
«Сынок, рядышком садись.
За окном вон дождь закапал,
Потолкуем-ка по жизнь.

Ты ещё малой, конечно,
Может, и не всё поймешь,
Только в жизни быстротечной
Незаметно подрастешь.

Что скажу я — ты запомнила
И совета придержись.
День свой радостью наполни

И счастливей будет жизнь.

Пока папа тебя кормит,
Лучше к знаниям стремись
И учись, учись упорно,
своей лени шикни: брысь!

Пусть сомнения не гложет,
Лучше уж науку грызть.
Безответственности тоже
Сам себе скажи ты: Брысь!

Ну, а если больно станет,
Стисни зубы и крепись.
Пусть болячка в Лету канет,
Тихо ей скажи ты: брысь!

Чаще смейся, улыбайся,
Физкультурою займись,
Не ворчи, не раздражайся.
Лучше вспомни слово: брысь»

Говорили мы про звёзды,
Про планеты и про жизнь…
Сказал папа: «Уже поздно.
Спать пора. Иди, ложись.»

Вечер провели приятно,
На прощанье обнялись
Одно только не понятно:
Для чего же слово «Брысь»?

Ищи в себе

Где та невидимая нить,
Что нам поможет сохранить
Себя в себе, и в той борьбе,
Которую с собой ведём?
И где единственный тот путь,
Чтобы пройти не как-нибудь,
Чтоб жить не зря, себя даря,
Не сожалея ни о чём?

Так где тот опытный мудрец,
Чтобы по жизни, как Отец
За руку вёл и рядом шёл
И был опорою, плечом?
Ищи ты всё в самом себе.
Отдайся внутренней мольбе,
Поверь в себя, других любя,
И станешь солнечным лучом.

Ты сердцем в Бога прорасти
С надеждой, верою в пути,
Любовь дари и тогда вновь
Свет мудрости забьет ключом!

Говорят, что чудес не бывает,
Только чудо — не в нас ли оно?
Через труд мы его добываем,
Нам другого пока не дано.

В день по капле победа даётся
Над собой, В основном над собой!
Кол не хочется жить, как придётся,
Управлять научись ты судьбой.

Гранкина Луиза,
г. Красноярск

Родилась на Урале в г. Свердловске. Окончила Уральский университет — экономический факультет. Последнее место работы — Чернобыльская АЭС. Ликвидатор последствий аварии на ЧАЭС. Стихи помогают жить и встречать неравнодушных людей.

В переходе проспекта Свободный г. Красноярска

Стоит в переходе гулком,
Пряча лаза от людей,
Седая женщина с переулка.
Подайте милостыню ей!

Стоит протянув руку,

Свободная от мыслей, идей.
В прошлом продвигала науку.
Подайте милостыню ей!

Руки слабы и в морщинах,
Которые качали детей.
Не проходите мимо мужчины.
Подайте милостыню ей!

Дети живут далеко
Успешны в карьере своей.
Жизни осталось немного,
Подайте милостыню ей!

В Енисейской тайге

В Москве гул и шум,
А в тайге тишина.
Только веточек хруст
Да на небе луна.

У избушки медведя следы.
Приходил проведать он,
Узнать в порядке ли ты
И хорош ли был сон.

В Москве суета сует.
Столица бурно живёт.
Её нельзя не работать нет,
Всю страну вперед ведёт.

В тайге сейчас тишина.
Тихо сне шелестит.
Лишь луна она
На тебя глядит.

На Ангаре

Где Яша, Саша с Ангары?
Как помню, вместе замерзали.
Сквозь ночь, туман в Тартарары

Оледенелые съезжали.

Они водителями были,
Грузы нужные везли.
Хоть от мороза водку пили,
Но только в случае нужды.

Стучали в дом, в какой не знаю,
Лишь обогреться дайте нам.
А люди нас к себе пускали
И даже не спросив: «Кто там?»

С хозяином потом дружили,
Стали будто бы родня.
На Ангаре те люди были.
Такая не одна семья.

Тут не влияет перестройка
На эти качества души.
Невзгоды переносят стойко.
Ведь это люди с Ангары!

Енисей осенью

Прекрасна осень в октябре,
Стоит осина вся в огне,
Берез кудрявых желтизна,
Сосна зеленая одна.

Причудлив леса тот узор,
Ласкает, радует он взор.
И размягчается душа,
Чудна природа, хороша.

В ногах шуршит цветной ковёр,
Смолкает птиц негромкий хор,
И все замрет в преддверии зимы,
К ней подготовимся и мы.

Утих могучий Енисей,
Вода становится темней,

А иногда сверкнет свинцом
Под небом бледно голубом.

Шуршит тихонько дождь в окне,
С тобой совсем не грустно мне.
Всегда природа хороша,
В ней растворенная душа.

Герою России Олегу Анатольевичу Тибекову

Лицо героя смотрит с обелиска
Оно здесь рядом, с нами, близко.
Защитник он страны основ
И лик его превыше слов.
Большое мужество имел он,
Когда спасал своих бойцов.
Скомандовал и быстро и умело:
«Уходят все, я задержу врагов!»
Как видно боевые гены
От предков к внуку перешли,
Предательств не было, измены
В родне отца, танкиста,
Деда участника войны!
На нас он смотрит с обелиска,
Глаза его красивы, чисты.
Долг выполнял он до конца
И святость веет нам с его лица!

Десятова Лидия
г. Красноярск

Родилась в городе Ленинграде в 1937 году. Пережила блокаду. Воспитывалась в детских домах Ярославской области 10 лет. В Красноярском крае живет более 60 лет. Стихи начала писать в 57 лет. Состоит в нескольких литературных объединениях. Автор литературных сборников.

Красноярский край

Я уверена, восемьдесят пять -
Это присказка нашему краю.

Не одну ещё тысячу лет
Проживёт он себя утверждая.

Красноярской земле пребывать
В фаворитах великой России
Очень долго, а край величать
Начинать буду с центра Сибири.

Красноярск — центр сибирской земли,
Город молодости и науки,
Центр студенчества — значит любви,
Значит встреч, но и значит — разлуки.

Замечательный, сказочный край,
Красотой наделён небывалой.
Всё богатство его, почитай,
До конца неизведанны, право.

Краше нет, чем родной Енисей
Обрамлённый тайгой величавой.
Красноярских Столбов «Колизей»,
Всенародно увенчанных славой.

Красоты краю не занимать,
И о нём только начата повесть.
Ну, а людям хочу пожелать -
Быть добрее, трудиться на совесть.

Березовый край

Березоньки зелёные,
Стволы как побеленные.
И чёрные отдушины
На белой бересте.
Ветрами изцелованы,
Стихами избалованы,
Остаться равнодушными
Нельзя к их красоте.

Весной им горько плачется,
Под ними путник прячется
От солнца, в тень прохладную,

Нежданного дождя.
Зимою же метелица
Вокруг берёзок стелется,
А вьюга песнь нескадную
Споёт им иногда.

Сибирский край березовый,
С морозами и грозами-
Живи и здравствуй вволюшку
И горести не знай!
С тобою мы повенчаны,
С тобой все зори встречены.
Сибирская сторонушка-
Навечно процветай!

Память

Их вывезли из Ленинграда
Людей голодных и больных,
Пройдя почти все круги ада
Остался кое-кто в живых.

Дорогой трудною и длинной
Четыре с лишним тысяч вёрст
Шёл эшелон к земле сибирской,
Блокадников тот поезд вёз.

В Берёзовке захоронили-
Дорогой умерших людей.
Но место все же сохранили-
Война ещё шла много дней.

Никто не знает поименно,
Кто здесь схоронен, много лет
Пристанище было казённым
И был ли там поставлен крест.

В канун шестидесятилетия
Победы, в страшной той войне,

Воздвигнут камень в их бессмертие,
Отметив след их на земле.

Он, нам живым, в напоминание
О самом горьком, подлом зле.
Пусть войны все уйдут в предание.
Жить надо в мире и добре.

Ностальгия по Ленинграду

С неслыханном благоговеньем
Я песнь о родине пою.
О Ленинграде мое пение,
Его за всё благодарю.

За то, что есть на белом свете,
За то, что в нём родился ты,
За разведённые мосты
Моей красавицы Невы.

Все чтут свой милый уголок,
Что малой родиной зовётся.
Моя — не так уж и мала,
Была Петром возведена.

Прости мой милый уголок.
Прости за то, прости за это,
Ты моя малая планета,
Но без тебя мой путь пролёг.

Вот так частенько вспоминаю,
То, что давно в помине нет.
Но Ленинград не забываю,
А мне уж восемьдесят лет.

Ещё про многое я знаю,
Что в нём увидеть не пришлось.
Сибирь мне родина вторая,
А в первой — места не нашлось.

Помним (снятию блокады Ленинграда)

Уж семьдесят пять лет прошло
С тех пор, как кончилась блокада,
Забыть её нам не дано -
Блокадникам из Ленинграда.

Всё меньше остается нас,
Но что поделаешь, стареем,
То время помним и сейчас,
И забывать его не смеем.

Сидим за праздничным столом
И о блокаде вспоминаем,
И рюмку, к стати, поднимаем,
За то, что до сих пор живём.

Хотелось бы ещё пожить
До следующей круглой даты.
Как знать, всё в жизни может быть,
Держитесь, дети Ленинграда.

Бессмертный полк

По телеку по всем каналам
Идут показы о войне.
Читаю в школах я не мало
Стихи и прозу о войне.

Не всё ребята ещё знают,
Как шла великая война,
Мы, взрослые напоминаем,
Как и когда была она.

О Ленинграде, о блокаде
Веду я школьникам рассказ
Уж много лет, и о параде
Объединив вместе нас.

Бессмертный полк пройдёт, живые
Его в портретах пронесут
Во многих странах, молодые
Отдали жизни в ту войну.

Героями ведь не родятся,
Героев выковала жизнь,
Их фотографии хранятся,
В Бессмертный полк они слились.

День Победы

Сегодня День Победы
Девятое число.
Мемориал проведать
Нам каждый раз дано.

Пришли семьёй, как надо -
Дочь, внучка, её муж
И я им как награда
Под руки их держусь.

К «огню» цветы сложили-
Гвоздикам нет конца.
В мемориале были,
Народу было — тьма.

Пошла я на разведку,
В центр города пришла.
В «Бессмертный полк» попала,
Так с ними шла и шла.

Портрета не имею,
В детдоме я росла.
А Ленинград жалею,
Гвоздики лишь несла.

Домой ушла не скоро,
Петь песней под баян
Осталась, пели много,
На то и праздник дан.

Любите жизнь

День уходит, а сердцу тревожно,

Ещё хочется малость пожить.
Осень шепчет, что это возможность
Продолжай только очень любить.

Всё люби и людей без оглядки,
И осенней листвы красоту.
Не играй с собой ты, только в прядки,
А скажи себе: «Я всё смогу».

Я смогу всё, что хочешь на свете,
Изменить и плохое любя.
Есть желанье одно на примете
Если можно дожить лет до ста.

Но весёлой, здоровой бабулей,
Чтобы дети лет жили по сто,
Внуки, правнуки жизнь чтоб любили,
Жизнь любить от рожденья дано.

Вот такие дела

Я не буду болеть,
Не хочу я стареть,
И об этом я всем заявляю.
Сколько жить мне дано,
Проживу все равно,
И об этом, конечно, же знаю.

Пусть промчатся года,
Что дала мне судьба-
Благодарна ей буду навечно:
Как прожить мне пришлось,
Что узнать довелось -
До земли поклонюсь ей сердечно.

Я не буду стареть,
Я не буду робеть,
Перед тем, что ещё мне придется.
Жизнь была мне дана,
Вот такие дела.
Продолжаю за жизнь я бороться.

Моя звезда

Лет пятьдесят я не видела звезд,
Редко одну, но полярную.
Мне не сдержать появившихся слез-
Новость пришла ко мне яркая.

В небе глубоком, далёком таком,
Две показались мне звездочки,
Я не поверила, может мельком
Вторая почудилась. Господи!

Нет, разглядела, что обе блестят,
Только одна есть полярная,
Ну, а вторая, наверно, моя -
Милая славная, главная.

А ведь когда-то всё небо цвело
Звёздами — более тысячи.
Видела в бархатном, чёрном панно
Россыпи звёздочек видимых…

Не удержать мне нахлынувших грёз
Юности — времени дальнего.
Видно прозрела, на долго ль, и всё ж
Жизнь проживаю реальную.

Мой день настал, я ухожу,
Какое трепетное чувство!
Всех от себя освобожу,
Но на земле не будет пусто.

« А на последок я скажу»-
Любите, милые, друг друга.
А о себе я не тужу,
Ещё пройду не раз по кругу.

Я прожила не мало лет,
Спасибо Господу за это,

Он любит всех, сомнений нет -
И это главная примета.

Живите радостно, красиво-
Сто лет желаю разменять.
Будьте любимы и счастливы,
Хочу добра всем пожелать.

Пятова Тамара
г. Красноярск

Ода о тополе

Против нашего окошка
Тополь рос через дорожку,
Пятерню своих стволов
Размахнул он меж домов.

Было тополю просторно,
Он и вымахал огромный!
Птицы песни по утрам
Солнышко встречали там.

Никому он не мешал,
Дымный воздух очищал,
С плесенью Медпрепаратов
Играть любили там ребята.

А под небом синим-синим
Пилы вдруг заголосили,
И спадали с тополей
Вороха живых ветвей!

Так визжали пилы страшно,
Что земля гудела тяжко,
И стонал, стонал от ран
Наш красавец великан.

А у нас душа стонала-
Пала крона великана!
За окно смотреть-то тяжко:

Вместо тополя — культяшка!

Лет пролетело с пяток, но не десять,
И возродился наш тополь, как Феникс.
Зашелестел он листвой молодою
Величиною больше ладони.

Снова у тополя дети играли,
Птицы на ветках зорьку встречали.
Тянется тополь к небесному своду -
Вновь мы дышали его кислородом!

Вдруг появился бульдозер с парнями -
Вырвали тополь вместе с корнями!
На самосвал погрузили останки…
И вот вместо тополя — автостоянка.

Он жизнь любил, и расцветал от вёсен,
Стелился пухом по земле.
Он жизнь любил! И был неправ бульдозер,
Сразивший великана по весне…

Картины сентября

Рождённые из небыли
Рассветами, закатами,
Облака по небу-
Розовыми пятнами.

А сентябрь, как будто
Красками играя,
Украшает будни,
Землю наряжает.

По Земле шагает
Сентябрь неторопливый,
То лето вновь подарит,
То дождей разливы.

Грустный и весёлый,
С ребятней он дружит,

Провожая в школу,
Листья в танце кружит.

Развесит паутины-
Седые лета волосы.
И завершит картины
Сентябрь спелым колосом.

В золоте заката

Блещут окна в золоте заката,
В золоте деревья и кусты.
Вечерком бредём с тобой куда-то,
Вороша пожухлые листы.

Вышел месяц за горой рогатый.
Вырядился, словно на парад,
И, блистая в золоте заката,
Любуется на свой наряд.

Тихий вечер красками богатый,
Стёклами сверкает каждый дом.
Окунёмся в золото закатами
И по жизни дальше побредём…

Освободилась Мана

Подул с полночи Суховей
Такой, что не казалось мало,
Разволновался Енисей
И раскачалась Мана.
Ей стало тесно подо льдом,
Под зимним одеялом,
Она чуть двинула плечом
И, вдруг, всё затрещало!
Апрель, девятое число,
Ни смога, ни тумана.
Льды по Енисею понесло.
Ура! Освободилаь Мана.

Пришла весна

За окошком тополь распустился,
Где-то к середине мая,
Он весенним дождичком умылся,
Ветками приветливо качает.

Из травы глазастый одуванчик
С любопытством на людей глядит,
Словно златокудрый мальчик,
Умиляет всех и веселит.

А к Троице природа вся проснется,
Черёмуха накинет свой наряд,
Пьянящим ароматом задохнётся,
Кто обожает этот аромат!

И опять всё снова повторится,
Вслед за черёмухой и яблоневый строй,
Как в платьях белых выпускницы,
Нарядят улицы цветущей красотой.

Как я люблю, когда зелёной дымкой
В средине мая одеваются леса,
И в этой дымке с цветами и улыбкой
Шагает по земле красавица Весна.

Люди осенние, люди весенние

Люди осенние, люди весенние -
Рожденные в зимний день, или в день летний,
Влияет ли дата их появления
На склад их характера, что в них заметнее?

Родился ты осенью — хмурый, плаксивый,
Вечно обиженный, всем недовольный.
Летом родился — горячий, ретивый
И нипочём тебе страхи и войны.

Зимние люди строги, холодны,
Или, как ветры февральские, злые,
А те, кто родился в царство Весны,
Приветливы, словно цветы полевые.

Но не сезон на характер влияет,
А то, что наследуешь ты по крови,
Бывает характер осенний, как в мае,
Ласковым, тёплым — весь из любви.

Горячими — зимние люди бывают,
И добрыми те, кто рождён в феврале.
Нет, ни сезон на характер влияет,
А те, кто воспитывал нас на Земле.

К юбилею полёта Юрия Гагарина

Двенадцатое апреля -
Навек знаменательный день!
На полюсах бушевали метели,
В Крыму расцветала сирень.

Разметало вихрастые космы
Солнце жгучих лучей своих…
Человечество вырвалось в Космос
Из крепких объятий Земли!

И затаило дыханье
Всё население Земли:
«Вернется ли русский парень
Из той неприветливой дали?»

Всех пуще переживали
Те, кто готовил полёт,
Те, чья душа из мечты и стали…
Родина позже их назовёт.

Салютовали герою земляне
От радости, что повзрослели,
Всюду славили русского парня-
Что в космос шагнул от Земли — колыбели!

Бывал он и в Красноярске,
На Красноярской ГЭС-
Парень простой, не из сказки,

Но взлетел он выше небес!

И есть в этом подвиге, в славе
Земляков трудовая частица,
Значит и я, хоть чуточку, вправе
Подвигом этим славным гордиться!

Мне нравится, что рядом горы

Мне нравится, что рядом горы,
Отроги древние Саян.
Любуюсь енисейскими просторами
С горы с названием «Диван».

А за «Диваном» «Красный гребень»-
Лишайник, осыпи, гранит.
Подснежник сквозь гранит и щебень
На мир доверчиво глядит.

И вдалеке скала «Тамара»,
Она от «Гребня чуть видна,
Овеяна легендой старой-
Разбилась девушка одна.

С дочуркой и сынишкой малым
Сюда взбирались мы не раз,
И тёплые от солнца скалы
Приветливо встречали нас.

Бывало, что мальчишки-дуралеи
Палы пускали по весне
И наши дети, курток не жалея,
Сбивали пламя на траве.

В июне там жарки, саранки
Украшали горный склон.
А зимой на лыжах, санках
Мы вихрем мчались под уклон.

Память о Крутовских

У речушки Лалетиной, горной,

Крутовские взрастили сад,
И зреют в нём плоды отборные
Более, чем сотню лет подряд.

Им пел тогда камчатский соловей,
И зимородок хвастал оперением,
Рысь хищная в мохнатости ветвей
За жертвой кралась приведением.

Давно в саду лабродоритный
Памятник Крутовскому стоит.
Цветение пышной яблоневой свиты
Нам о Крутовском память воскресит.

Крутовской Елене

В саду Крутовских девочка Елена
Далеко от города жила
И любовь к природе дедам на смену
Она по долгой жизни пронесла.

К Елене в «Уголок», как к Айболиту,
Несли больных и раненых зверей.
И сердцем для добра открытым,
Любила их, лечила, как детей.

Горит ли в храме памяти свеча
Об этих честных и прекрасных людях?
Чудесный зоосад у Роева ручья
Вовек Елене памятником будет.

Пятов Михаил
г. Красноярск

Енисейская Сибирь

Красноярский край такой
От рожденья в прошлом веке
И богатый, и большой
С думою о человеке.
А сегодня входит лично

В Енисейскую Сибирь.
Быть большим ему привычно,

Будет больше даль и ширь,
И дела, в которых очень
Заинтересован он.
Красноярск-то, между прочим,
Изначально был силён.
А теперь с Тувой, Хакасией
Да в едином кулаке.
Сколько денег будет в кассе
И у каждого в руке.
Вот, что даст объединение
Территорий да и сил.
Всё тогда придёт в движение,
Ещё крепче станет тыл.
Тот, который в войнах века
Выручал он всю страну,
Не жалея человека,
Чтобы выиграть войну.
Восемьдесят пять, конечно,
Это дата, да какая!
Край суровый, тем и лечит
Слабонервных всех, что с краю.

Спор деда с внуком

Край сибирский енисейский,
Красноярский славный край,
Где живет твоё семейство-
Ты его и уважай.
- А за что? - что есть он в мире,
И за то, что есть в нём ты,
В середине всей Сибири
И среди людей простых-
- Ну и что?- Да то сердито
Дед мне по лбу постучал-
И потом сказал: Иди ты-
Дед, понятно сгоряча.
- Знаю сам, что край немалый,
Что в нём все богатства есть,

Но ведь было же, бывало,
Было нечего поесть-
Дед молчал, видать, задело.
Знал он лихо прежних лет.
- Может быть, ты прав курносый,
Может, это я не прав.
Край гигант, но есть вопросы,
Ты на них, внучек, и правь.

А я пишу, когда иду…

А я пишу, когда иду,
Когда шагаю по дороге,
Где слово нужное найду,
Где целый стих подкинут боги…

Глядишь — и есть стихотворение.
Всё просто — сел и написал.
Но сколько надобно мучения,
Чтоб стих стихотворением стал!

От Саян до моря Карского

От Саян до моря Карского
Через годы жизни всей,
Где сурово, а где ласково,
Катит воды Енисей.

Но не тем же он, конечно,
Так меня приворожил:
Тем, что дюже человечный,
Тем, что бодрый очень был.

Чем ещё? Да я не знаю.
Просто дорог, вот и всё!
Я родился в этом крае,
Здесь Отечество моё!

И пускай чего-то нету,
Нет, так будет, не впервой.

Но люблю я край вот этот,
Край вот этот, не другой!

Зимнее настроение

Солнце светит, снег сверкает-
Ну чего ещё тебе?
Всё же кто-то причитает
О несчастнейшей судьбе.

Виноватит снова время,
Время нету без людей.
Только в людях его семя
Прорастает мощью всей.

Трудно? Значит, заслужили
Эту трудность мы пока,
Если семь десятков жили,
Отрицая все века.

Мы найдём, конечно, выход,
Не такая мы страна…
Несмотря на жизни лихолетье
Русь прийти к себе должна!

Психология? Не знаю…
К чёрту плакаться судьбе!
Солнце светит, снег сверкает-
Ну чего ещё тебе?

Мать

Сколько она намучилась
В жизни этой шальной.
Памятник ей бы, мученице,
Поставить в центре большой
И то благодарность лишь малая
Была бы родной воздана.
Мать моя вечно усталая,
Не знала покоя и сна.
А тут ещё чёрные вороны
Отца увезли в никуда.

И жизнь была её взорвана,
Осталась одна беда.
Учиться, конечно, не стали,
До этого разве семье?
Заботы, несчастья, печали,
Ведущие в голод и в смерть.
И в довершении что ли
Той репрессивной беды
Страна застонала от боли,
От новой фашистской орды.
А мат изводилась в работе:
Ох, рученьки, ноженьки, ох!
Мы жались у стенки напротив,
Молчал из угла её Бог.
Молилась родимая истово,
Просила, стонала: «Спаси!»
Но угол молчал и я выставил
Икону в чулан : «Повиси.»
мать отыскала икону
Стёрла пылищу рукой.
И присела со стоном:
- Сыночки, а Бог-то живой!-
Икона блестела, законно,
А матери показалось,
Что обновилась икона,
Вроде бы, новою стала.
И слух полетел по посёлку,
С стали старухи ходить,
Молиться на угол, на полку
И Бога о чём-то просить.
Дошёл этот слух и до центра
И вызвали мать в Абакан.
- Зачем вам,- сказали менты,-
Этот ребячий обман.-
И мать завернула в тряпку
Бога тогда, своего.
Ходить перестали бабки,
А мать почернела с того.
То на работу спешила,
То уходила в себя.
Такое уж времечко было,

А может, такая судьба.
И скоро она отмучилась,
Не отмолив все грехи.
Пусть будут ей, вечной мученице,
Памятником стихи.

****

Хорошо по осеннему лесу бродить,
Что ищу в нём и сам я не знаю.
Хорошо помечтать, хорошо погрустить,
А осенняя грусть возвышает.
Ты, как будто, причастен к лесной красоте,
К золотистой поре увяданья.
Где-то в городе шум, суета в суете,
А в лесу эта грусть расставанья.
Как прощаешься ты с чем-то близким тебе,
Без чего в жизни света не будет.
Бессознательно ты начинаешь жалеть
Что не мог донести это людям.
Так торжественно всё и так хочется жить
И, цепляясь душой за природу,
Я хочу в своём сердце тебя поселить,
Чтобы вместе шагать к небосводу.

****

Да, мы любим всё своё приволье,
Летнюю земную благодать,
Доброе ромашковое поле,
Русскую березовую стать.
Земля цветет, как прежде добрым цветом,
Как цвела она вовсе века.
Может изменилась в чём планета,
Но в цветах, как видимо, никак.
То благоухание природы…
Разве словом передашь мечту?
Пролетели и века и годы,
А земля хранила красоту.
Сберегла чего-то, только что-то
Не могла, родимая, сберечь.
Что-то на жестоких поворотах

Время постаралося отсечь.
Мы цветы сегодня не жалеем,
А ведь это звёзды на лугах,
Или, может быть, земные феи,
Чтобы мир от грусти не зачах.

****

Я из Енисея пил когда-то
Воду самой Божьей чистоты.
На его на шумных перекатах
Не вода, а молоко мечты.
Той водой лечили наши предки
Души и свои тела. Да не раз она
Заменяла нам конфеты,
Которых не было у нас.
Как неслась в войну на переменке
К Енисею школьная братва-
Это Ваньки, Таньки, Женьки -
Чтобы вместе хлеба пожевать.
Смельчаки, бывало, и купались,
Визг и хохот был на берегу.
Та вода ушла в седые дали,
Её в душе, как совесть, берегу.
А сегодня к телу Енисея
Даже прикоснуться я боюсь.
Годы пролетели — не жалею.
Жалко мне без Енисея Русь.

Поклонюсь я высокой траве

Поклонюсь я высокой траве,
Посижу на скамейке у дома.
Пусть всплывет в моей голове
Это чувство, что с детства знакомо.
Этот запах родных очагов,
Этот пахнущий сеном загончик,
Дух горячих в избе пирогов,
Не бывает которых сегодня.
Посмотрю на луга за избой,
Где цветут иван-чай и душница.
Пусть с голодной дружил я судьбой,

Но мой край мне по-прежнему снится.
Расстреляли отца ни за что:
Иль мешал, или план выполняли?
Так расстался с родной я избой,
Так ушёл я в голодные дали,
И врагу не желаю такой
Жизни — самой что есть непутёвой.
Поклонюсь я траве луговой,
Посижу у избушки не новой.
Все обиды и боли пройдут,
Время смажет мне душу покоем.
Вспоминаю я времени дух,
Забывать о котором не стоит.

Счастье

Богом забытое счастье
Я наконец-то нашёл,
Когда позабросил все страсти
И слёзы, что нищий и гол.
Счастье моё — Поэзия,
Которой обязан я всем:
И тем, что живу без болезни
На зависть завистникам всем,
И тем, что живу вообще-то,
И что с оптимизмом живу,
В общественных поворотах
Белугою не реву.
Отбросив ненужные страсти,
К себе потихоньку пришел
И Богом забытое счастье
В конце своей жизни нашёл.

Грехова Светлана
г. Красноярск

Благодарю тебя, Любовь

Благодарю тебя, Любовь!
За твой подарок драгоценный
За ощущенье вновь и вновь
Сердцебиения Вселенной.

Об умаленье не скорбя,
В своем величии простая,
Ты даришь каждому себя,
При этом только возрастая.

Сквозь Вечность атомом летя,
Невольно возвращаюсь к дому
И улыбаюсь как дитя
Непостижимости знакомой…

Мне дорог этот мир земной.
Он заставляет сердце биться.
Под солнышком и под луной
Нельзя и некогда лениться.

Присев немного отдохнуть,
Забудусь лишь на миг единый.
Нет времени рукой махнуть.
Очнувшись, снова надо в путь
За Ней, такой непостижимой.

Близка земля, мила семья,
Но между этих ясных строчек
Такая бездна бытия,
Что не хватает многоточий…

Не хватит снов, не хватит слов,
Ни воплощений, ни обличий
Познать гармонию её
И красоту в её величии.

Былинки малой не губя,
Волшебной бабочкой порхая,
Повсюду видишь ты себя,
Во всем себя возобновляя.

Ты прячешься в любой судьбе
И в каждом человечьем сердце,
Я знаю, хочется тебе
В меня как в зеркало глядеться.

Осознавая вновь и вновь
Своей же Вечности глубины…
Благодарю тебя, любовь,
Ха то, что мы с тобой едины!

В России вновь черемуха цветет

Ушла вода, почувствовав свободу,
Интригу лета солнышко плетет,
Уже вот-вот в садах и в огородах
Черемуха привольно зацветет.

Сквозь палисад фату из нежных кружев
Протянет щедро каждому: «Бери!»
Душистым морем запаха закружит
Вдохни, почувствуй праздник изнутри!

Красу девичью ветру предлагая,
Взволнует застоявшуюся кровь.
Тогда воздушным облаком, нагая,
С небес на землю спустится любовь.

По улицам пройдется, по проселкам,
Оглянет поднебесную дугу,
Любви ответной не дождавшись толком,
Усядется грустить на берегу.

Что делать проходящим — это ж ясно-
Позвать любовь черёмуховым днём!
Чтоб вдруг она из нежной и прекрасной
Не стала опаляющим огнём.

Чтоб не затмили нам небесной сини,
Не взяли в плен докучные дела.
У каждого из нас по всей России
Весна, любовь, черемуха была.

И будет! Снегу взяться неоткуда,
Но тротуар как снегом заметёт…
Обыденное маленькое чудо!
По всей Руси черёмуха цветет.

Взошла звезда — святая Русь

ОН это чудо сотворил!
А кто б ещё сумел и смог?
Дал знания, благословил,
Единство духа сотворил,
Приподнял, силы подарил,
Помог шагнуть через порог.

Ни сон, ни чох, ни птичий грай,
Мамона больше не страшна.
Проснулся наш любимый край,
Нам Богом данная страна.

Промчались ветром времена.
Царевны спящей больше нет.
Привстав на звонких стременах,
Она несёт по миру свет.

Ни сон, ни чох, ни птичий грай
Не нарушают тишины.
Здеб6сь в тишине творится Рай
Для всей земли, для всей страны.

Последней искорки ума
Себя лишая без помех
Сама в себе сгорает тьма,
Став разрушителем для всех.

Всё гуще дым, сильнее жар,
Сгорает прошлое в огне.
Но этот мировой пожар
Сильней внутри, а не во вне.

Дай, Бог, терпения в пути.
Идущим предрешен успех,
Чтоб поросль новая взойти
Смогла наутро без помех.

Ни испытаний, ни труда
Господь для нас не отменил.

Идёт, не глядя на года,
Насколько хватит наших сил.

Не посещает сердца грусть,
Ей в нас заказаны пути.
Взошла звезда — Святая Русь
Чтоб счастья людям принести.

Ледничок

Хлоп, и сердце на крючок,
Разве так положено?
Ледничок ты, ледничок,
Насмерть замороженный.
Где, когда, в каких веках
Сердце заморозила?
В чьих же, в чьих оно руках
Превратится в озеро?
Ключ горячий под горой
Бьёт из-под земелюшки.
Где же сказочный герой,
Дурачок Емелюшка,
Что сердечно донесёт
До ключа горячего,
Отогреет, чтоб оно
Превратилось в зрячее.
Чтоб кудрявилась коса,
Засветились глазоньки,
А улыбка как роса
Брызнула алмазами,
Осветила всё вокруг
Будто ясно солнышко,
Чтобы мил — заветный друг -
Голова подсолнушком,
Глаз своих отнять не смог
От красы от девичьей,
Возлюбил как любит Бог,
Нежно, чисто, бережно.
Чтобы вместе, да на век
С песней да молитвами.
Друг для друга оберег

Два сердечка слитые.
Пусть любуется народ,
Да не удивляется.
Пусть любовь из рода в род
Меж людьми рождается.
Счастье только на двоих,
Богом так положено.
Где невеста — там жених
И, конечно, для двоих
Эта песня сложена.

Третьяков Тимофей
г. Красноярск

Однажды набат расколол небосвод,
Взрывы бомб закоптили Соборы,
И на несколько лет затянулась война,
Эта жуткая песня вселенского горя!
Всех пацанов и мужчин поглотила
Бойня, за право рождаться и жить!
В тиши братских могил ради счастья и мира
Жизни многих из них обрывается нить…
Женщины, дети, работники тыла
Бремя войны пронесли на руках:
Одевать и кормить, делать танки и мины,
С похоронкой в кармане в солёных слезах!
Враг был отброшен, мы бились отчаянно,
Кровью братаясь с родною землей,
Стали теснить фашистов обратно…
Долго сражались…
И как-то весной взяли Берлин!
И красное знамя взошло над рейхстагом
лучистой звездой!
Дорого встала нам эта Победа:
Многие жизни оборвала.
Обелиски, стелы, курганы,
И мы помним их имена!

****

Пусть ветер мнёт верхушки сосен,

Летят куда-то облака.
Какая сказочная осень,
Водицу пьёт из родника.

Прозрачна до дрожи речка,
Налётом иней на траве.
На берегу осинки свечка,
Ледок на замершей земле.

И небеса в кристальной выси,
Косяк кочующих гусей.
Рябины налитые кисти,
Дом засыпающих зверей.

Застывший миг немой свободы,
Бездонный еле слышный вдох.
Мир отдыхающей природы,
На огонёк зашедший бог.

К чему вопросы и ответы?
Послушай сердце и поверь.
Нам всем заказаны билеты,
И ждёт не запертая дверь.

****

Моя прекрасная княгиня,
Качелей скрип, вечерний сад,
Дух свежескошенной полыни,
Губ горьковатый шоколад.

Скользящих рук переплетение,
Скупой, неверны свет луны,
Двоих к вершине восхождение,
Звон затихающий струны.

А ночь струится бесконечно,
Мерцают звёзды в небесах,
Жизнь так нелепо быстротечна,
Летит на полных парусах.

Поделим поровну друг друга,
питаем радость и печаль,
Сбежим из замкнутого круга
Скользнув в открывшуюся даль.

Путь утро рухнет на планету,
Пробьют лучи навес ветвей,
А мы с тобой пойдём по свету,
Навстречу радости своей.

****

Я постарел на сотни вёсен,
Но не обрёл чего искал.
Бродил, плутая между сосен,
Тонул в проталинах зеркал.

Гадал на звёздах небосвода,
Плыл вдаль сквозь утренний туман.
Пьянел весной от кислорода,
Плясал как раненный шаман.

Кружилось небо под ногами,
Звенел стихая звон подков.
Садилось солнце за горами,
Смыкались лепестки цветов.

Всё кануло сорвавшись в бездну,
Остался только яркий свет.
Актёры отыграли сцену,
Сиделка подоткнула плед.

Я не спеша поплыл куда-то,
Тихонько превращаясь в мрак.
Мы все — усталые солдаты,
Но не опустим старый флаг.

****

По тоскливым полустанкам
Месит грязь родная Русь.
Неприкаянным подранком

Я сюда ещё вернусь.

Тянет душу непрестанно
К этой дикой стороне;
Здесь в унылом захолустье
Всё милей и ближе мне.

Где ржавеет потихоньку
Поведённых рельсов шрам,
Чистым боем колокольным
Верующих сзывает храм.

Здесь могу я беззаботно
На снегу писать стихи;
У костра, на тихой речке
Похлебать с дымком ухи.

Здесь мои друзья и корни,
На погосте, вглубь земли;
И причал, откуда в небо
Ходят наши корабли.

******

Голоса вкрадчивый шёпот,
Запах пьянящих цветов,
Речи бессмысленный лепет,
Бой полуночных часов.

Тёплая мягкость касаний,
Нежность раскрывшихся губ,
Жаркая бездна желаний,
Птицы порхающих рук.

Хриплые звуки дыхания,
Пальцы в каскадах волос,
Глаз неземное мерцанье,
Жизни нелепый курьёз.

Есть только это мгновение,
Тел наших смешанный жар.
Слитые в танце движения,

Страсти трепещущий дар.

Мы лишь осколки вселенной,
Искры далёких огней.
Канем однажды бесследно
В мир потускневших теней.

Пусть! Ведь жива моя память,
Бог точно слышал наш крик.
Мы разожгли это пламя,
Чтобы согреться на миг.

Обломанные крылья помнят небо,
Потокам ветра верят паруса,
Жизнь — искра заплутавшая меж нервов,
Внезапно наступившая весна.

Уходят из-под ног земные плиты,
Грудь разрывает чистый кислород,
Бегут не оборачиваясь крысы,
Жизнь юзом залетает в поворот.

Я помню всё, пускай мой жребий брошен,
Теперь не время что-либо менять.
Уже не скинут давящую ношу,
Не обернуться, чтоб попробовать понять.

Я не боюсь нырнуть в густую темень,
Я лишь надеюсь встретить там тебя.
Обнять твои изменчивые тени,
Уснуть вдвоём в метели февраля.

****

Всё конечно же сбудется, знаешь,
Нет ни боли, ни смерти, ни дна.
Потихоньку себе загадаешь,
И придёт в твое сердце весна.

Снова в сквере распустятся листья,
На газонах посадят цветы,
Лето вновь распахнет свои крылья,

Выходя на аллеи любви.

Мы с тобою здесь встретились, помнишь,
Ты была хороша как июнь,
И гуляли потом до полночи,
Я признался тебе, что люблю.
Знаешь, милая, я загадаю:
Чтобы кто-нибудь этой весной
Тоже так же как мы повстречались,
И зажили одною судьбой.

Дай им бог, чтобы сладилось счастье,
Чтоб прошли без серьёзных потерь,
Знаю я — мы друг друга запчасти,
А вдали ждёт открытая дверь.

******

Пусть тихо говорят прикосновения,
Скользят по нежной коже пальцы рук.
Уходят прочь тревоги и сомнения,
В груди танцует джигу сердца стук.

Ложатся поцелуи хитрой вязью,
Дыханье прерывается на стон.
Мечты вдруг обернулись были явью,
И стал реален мой безумны сон.

Моя любовь влилась в твою свободу,
Я растворился полностью в тебе.
Мы обрели с тобой свою природу,
Нашли тропинку общую в судьбе.

А дальше только освобождения,
Дорога уходящая вперёд.
Нас ждут с тобой победы и свершения,
И вечный беспосадочный полёт.

Шамкова Линда Константиновна,
г. Красноярск. Родилась в деревне Верхний Суэтук
Каратузского района Красноярского края.

Печаталась в городских и краевых литературных сборниках. Издала четырнадцать авторских книг. Руководитель клуба «Зеленый огонек»

Моя Сибирь

Мы — дети Сибири,
Мы здесь родились.
И небо здесь шире,
Безбрежная высь.

Иду я тропинкой
Узкой к реке.
Глянь, кисти рябины
Горят вдалеке.

А рядом березка,
Красуясь, стоит,
Вся в золоте, пламенем
Ярким горит.

Сибирь ненаглядна,
Для всех — наша мать.
Тебя и любить нам,
С тобою страдать.

И что нам о лучшей
Судьбе ворожить?!
В Сибири родились,
В Сибири нам жить.

Осень любви (сонет)

Укрыла тропочку листвой,
Я снова счастлива с тобой.
Здесь листья желтые кружатся,
Под ноги ковриком ложатся.

Я вспоминаю ту весну:
Большой букет в руках держу,
Меня ты нежно целовал,
Своей любимой называл.

Любовь прошла, осталась осень.
Теперь у белочки мы спросим.
Она орехи шелушит,
Сказать нам правду не спешит.

Нашёл любовь — храни её!
Ведь век короткий у неё.

День Победы

Сегодня все мы собрались.
Знамена вновь поднялись ввысь.
Мы ветеранов поздравляем,
Под шелком знамени шагаем!

В России зори засияли,
А внуки с прадедами встали
В единый ряд: идет парад!
За ту Победу каждый рад!

Не каждому ведь было суждено
Открыть калитку иль окно,
Домой в деревню воротиться,
С домашнего ковша напиться.

Обнять детей своих, жену,
К домашнему вернуться очагу.
Ох! Сколько полегло их в поле,
В лесах, болотах и на море!

Нам этих жертв не сосчитать,
Историю должны мы знать!
Как горьки были эти дни!
Поклонимся сегодня о земли.

Поэт

I

Бывает, мысль моя сверкает -

Так это чудное мгновение.
Одна душа моя ведь знает
Поэта рвущее стремление.

Так это страсть былых времен,
О чём напомнить мы готовы.
Садился на коня верхом,
Сверкали лунные подковы.

Когда ночами я не сплю,
Ко мне приходит вдохновение.
Бумагу, ручку я беру
И создаю своё творение.

II

И вот луна уже взошла,
На ветках серебром сияет.
Поэта новая волна
Души здесь плачет и рыдает.
Я о любви своей пишу,
О подвигах солдат бывалых,
Перо в чернила обмакну.
Здесь руки, горны перевалы.
Вот Енисей уж покорен,
Стремятся вышки вдаль
Через таёжные хребты,
Мне это время жаль.
Костры давно уж прогорели,
А мысли рвутся в облака,
Хороших песен сколько спели,
Нам не попасть уже туда!

III

Мечта, как любовь поэта,
Всегда поднимается ввысь.
А звезды, как гроздь винограда.
Стремительно падают вниз.
Всегда вы стремитесь к славе.
Не думая: что же потом?

Слагая стихи на бумаге.
Мы думаем: в клубе прочтем.
А время летит мимолётно,
И ты выпадаешь с седла.
А лошадь твоя искромётна
Другого везёт седока.